

Анатолий Лунин

**ПОЛЕ.
НЕБО.
РУСЬ**

Поэмы

Калининград 2012

ББК84(2Р=Рус)6

Л 84 **Луниин А. А.**

Поле. Небо. Русь: Поэмы. – Калининград, 2012,
168 стр. .

В сборник вошли произведения лирического и гражданского звучания, написанные в разные годы, публиковавшиеся и новые.

ISBN 978 5 904895-20-4

© А. А. Луниин, поэмы.

ВЫСИ

Каков сам – таков и сан.

Русская пословица

Влекут нас глуби или выси, –
По жизни, каждому своё.
Мы из Руси глубинной вышли
И высоту храним её.

Какую ни избрать дорогу, –
Благая цель у нас одна:
Взлететь умелостью до Бога,
Познать Вселенную до дна.

1. ЕРОПЛАН

Над обычной, над типичной,
Полусытой, горемычной,
Над ржаною, не пшеничной,
Над посконною, тряпичной
Деревенской тишиной,
Нарушая быт привычный,
В самый полдень,
В ярый зной
Пролетел на диво всем
Звук неведомый совсем.

Не журчальный, симпатичный,
Словно солнышко, лучистый
Фроськи Лужной голосок.
Не суровый, деспотичный,
То взрывной, то флегматичный
Дарьи Губиной басок.

Не Кузьмы Седова зычный,
Поутру почти тактичный,
Днём частично неприличный,
А к исходу дня спотычный
Виртуозный матерок,

То лукавый, то лихой,
То звенящий, то глухой,

Заразительный,
Выразительный.
Выразительный? Ей-ей,
Выражательный – точней.

Не стеснительных бурёнок
И не будущих дублёнок
Сводный хор.
Не свинячий-пороссячий,
Вечно ждущий и просящий
Ор.

Не быка Туза утробный,
А по мощи – пароходный
Оглушительный гудок.
Не размеренный пчелиный
Работящий гуд ульиный,
Липой пахнувший чуток.

Солнце что ль заговорило?
Ветром с плёса донесло?
Гул, что небо уронило,
Взбудоражил всё село.

Зародил переполох
Псов ленивых перебрёх.
Им вослед – гусячий вздор,
Петушиный горлодёр...
Зашумело всё, что полнит
На деревне каждый двор.

– Что-то будет? –
Шепчут люди.

А иные голоса:
– Свят-свят!

Долго зрело у Седова
Соответственное слово.
Поднапрягшись, смог сказать:
– Твою мать!..

Люд подался к сельсовету:
“Может, это конец свету?”
Председатель наш, Степан,
Разъясняет:
– Ероплан.

Птица села за селом.
Всё село туда бегом.
Раньше всех мальчишек рать –
Где уж взрослым нас догнать!

Окружили, рот разинув,
Непонятную машину,
У которой – во дела! –
Не махальные крыла,
Пара слева, пара справа,
Не по-птичьему, две пары,
Две кабины и притом
Закорючка под хвостом –
Зацепиться, тормознуть,
Чтобы стал короче путь.

Прибежало всё село,
Как один.
Вышли двое на крыло
Из кабин.

Первым лётчик – Боже ж мой! –
Весь в оде́же кожаной.
Следом непохожий,
Хоть и в коже тоже.
И не лётчик, а другой
С речью выступил такой:

– Расскажу я вам чин-чином,
По каким мы здесь причинам.
По таким, что первый раз
Скоро выборы у нас.
Всем на лад, врагу во вред
Изберём себе Совет,
Самый верхний орган –
Стало быть, Верховный.
Прилетел до вас, народ,
Ваш народный самолёт,
Ваш законный,
Агитационный.
Кто из вас захотит,
В ероплане полетит.
Сверху лучше видать,
Что построить,
Что сломать.

Тут Кузьма как заорёт:
– Я хочу, качан те в рот! –
Пристегнули привязные
На Седове ремешки.
Про штаны про запасные
Намекают мужики.

А Кузьма не испужался,
Аж до Господа поднялся.
И с небес опять слышать:
– Твою мать!

Ну, лиха беда начало!
Старичьё не подкачало.
Вслед и младших понесло
Глянуть сверху на село.

И в кабину под конец
Затолкал меня отец.
А пилоту объясняет:
– Бредит небом мой шельмец!

А под шлемом за очками
У пилота синий свет.
Я пытаю:
– Дядь, ты Чкалов? –
И с надеждой жду ответ.
Сдвинул он на шлем очки,
Улыбается:
– Почти.

...Годы вдаль пургой колючей.
Я же помню до сих пор
Этот праздник, в жизни лучший,
И полёт под самой тучей,
И потом с пилотом жгучий,
Сокровенный разговор.
Он со мной, как с мужиком,
Обо всём.

– Жуть, поди, сжимала грудь?
– Ничуть!
– Ну, немножко, иногда...
– Да.
– Пыл геройский не погас?
– Щас...
– Значит, парень на все сто?
– А то!
– Будем вместе бить врага?
– Ага!
– И не сдрейфишь на войне?
– Не!
– Ох, достанется врагу!
– Угу.
– Что ж, маленько подрасти
И лети.
Дескать, мал ещё совсем:
Только семь.

Невзначай, произвольно
Те слова он произнёс,
Но от них мне стало больно,
Стало горько мне до слёз.

Ну и что ж что лет мне мало!
Семилетним был и Чкалов,
Но осилил высоту.
Вырос он, и я расту.

И осталось-то немного.
Я уже на полпути.
Скоро-скоро я, ей-богу,
Буду Чкаловым...
Почти.

2. ЧКАЛОВ

А тот, который не “почти”,
Который для мальчишек
Был воплощением мечты,
Героем не из книжек,
Опять подлунный мир потряс,
Опять заставил ахнуть нас.

Опять Советы в шок ввели
Всю прессу-говорушку:
Махнули на тот бок Земли
Через её макушку.

И солнце взяли под уздцы,
И полюс подковали.
И усмехается в усы
В Кремле товарищ Сталин.

Ничто России не устав,
Что ни свершит – всё мало.
И вновь у мира на устах
Лихое имя –
Чкалов.

Вопит Америка:
– Каков!
А мы в ответ:
– Их трое.
С ним Байдуков и Беляков –
Такие же герои.

А сколько следом полетят
Над полюсом и около!
У нас не лётчиков отряд,
А сталинские соколы!

Нам было жизнь с кого творить
В труде, на поле брани.
Рвались мы к звёздам путь торить
И не по-ангельски парить,
А смелыми орлами.
Мы вихревой рисковый ритм
Тогда себе избрали.

Народ стремился ввысь и ввысь,
Свободен и отважен.
А у вождя стучала мысль
Мотором на форсаже.

Народной воли естество
Он разбудил и взвихрил.
И дым от трубки у него
Как от мотора выхлоп.

И Чкалов, славе вперекор,
Всё повторяет твёрдо:
– Нет, мой рекорд –
Не мой рекорд,
А взлёт всего народа.

Я лишь прокладываю путь,
Летит сама Россия.
Вот вокруг “шарика” махнуть,
К примеру, я просился.

И без меня или со мной
Пройдёт полёт,
Но ясно:
Навечно будет шар земной
С российской опояской.
А может, с лентой голубой
От Волги-матушки родной.

Вокруг Земли реально, но
Ему лететь не суждено.
Беда подкралась, как змея,
Всё в ужасе умолкло:
В снегу, как в саване, земля,
В слезах седая Волга.

Валерий Палыч, как же так?
С тобой ли случилось это?
Как будто приспустили флаг
Все лётчики планеты.

Вам, небеса, какой резон
Вмиг потерять героя?
Зачем привычный горизонт
Стал траурной каймою?

Сам космос скорбью обуян,
Осиротели звёзды,
У поколений россиян
Не высыхают слёзы.

3. ГЕРОЙ И ДЕЗЕРТИР

Я как раз осколок тех
Бурных лет тридцатых.
Не забыть среди прочих вех
Этой страшной даты.

Я совсем ещё птенец
Мелюзга, но помню,
Что рыдал, когда отец
Рассказал про то мне,

Как суровым декабрём
Чкалова скосило
И одним богатырём
Стало тем несчастным днём
Меньше у России.

Я решил его тогда
Заменить собою.
Только шли мои года
Вялой чередой.

Мне бы сказочную даль
Увидать воочью.
Но лениво календарь
Рвал свои листочки.

Как тогда завидовал
Я Седову Сане!
Самураям он давал
Жару на Хасане.

А ещё сильнее стократ
Лужному Миколу.
Он,
Вчера лишь Фроськин брат,
Нынче в лётной школе.

При сочувствии села
Их сиротской доле
Фроська парня подняла,
Выходила Колю.

Для косы и для сохи
Вырастила братца.
Даже думать не могли
В лётчики податься.

Но бедовый Фроськин брат,
Повзрослев не в пору,
Втихаря харчи собрал
И подался в город.

Вот и я –
Чуть-чуть ещё –
По его примеру
Хлоп котомку на плечо,
Чтобы вёрсты мерить.

Но дотоль хлебну сполна
Муку и тревогу:
Докатилась к нам война,
К самому порогу.

Обезлюдено село,
Убыло народу,
Словно ветром замело
Наших “шлемоносцев”.

Старики да малыши –
Контингент мужицкий.
Призывные враз ушли
С недругом сразиться.

В тяжелой битве под Москвой,
В зимнем наступлении
Получил и батя мой
Первое ранение.

И не молкнул бабий стон
На моей сторонке:
Как листву осенний клён,
Гореносец-почтальон
Сыпал похоронки.

Сколько горестных листов,
Сколько скорби чёрной
Принести ещё готов
Нам германец чёртов.

Возвращались – много ли? –
Безрукие, безногие,
Покалеченные,
Не долеченные.

От начала до конца –
Всю войну ни письмаца,

Ни строки, ни слова
От Кузьмы Седова.

Как понять,
Постигнуть как –
Без вести пропавший...
Это значит: наш земляк
Ни живой, ни павший.

И навеки, навсегда –
Ни могилы, ни следа,
Только наша память
О Седове с нами.

И от Губина в село
Ни письма, ни слуха.
А у Дашки поползло,
Как опара, брюхо.

Дезертир!
Село гудит
Уж какие сутки:
– Наши там, а он, бандит,
Вишь, под юбкою сидит
У своей Дашутки.

Про геройские дела
Приходили вести.
Соберутся полсела,
Обсуждают вместе.

Словно солнышка лучи
Утренней порою:

Лётчик Лужный получил
Звание Героя.

Ай да Колька!
В самый раз
Ликовать безмерно.
Но с припиской был Указ,
В скобочках – посмертно.

На второй военный год
Не в окопах, дома
Услыхал зимой народ
Перекаты грома.

4. ЗЕНИТЧИЦЫ

Громыхало иногда
Вовсе недалече.
Неужели и сюда
Доберётся нечисть?
И не раз, не два, не три –
Слышишь воют и смотри,
Как проходят стаяй
Коршуны с крестами.

На погосте, где кусты
И шатром деревья,
Подняла свои персты
В небо батарея.
А зенитчицы – гляди! –
По медали на груди.
Лупят так девчонки –
Лопнут перепонки.

А в кого и как лупить –
Им гадать не надо.
Надо метко гадов бить,
Потому что гады.
А закончится война –
Замуж выдаст их страна,
Даст им вместо пушек
Для детей игрушек.

Но однажды тут как тут
Бомбовые птицы.
И девичий тот редут
Враз накрыли фрицы.
Что ещё вчерашним днём
В небо брызгало огнём,
Нынче стало просто
Выжженным погостом.

То, что пело в сердце их
Звонкою струною,
В жуткий миг, единый миг
Стало тишиною.
То, что было песней той,
И небесною мечтой,
И земною твердью,
Разом стало смертью.

...Сколько лет по той поре
Не грохочут пушки.
Не рождённой детворе
Не нужны игрушки.
Но который год подряд
Мы несём для тех девчат

Не букет пожухлый,
А девчачьи куклы.

5. “ПОЧТИ”

А у мальчишки – чуть подрос –
Полно забот:
И в школу надо, и в колхоз,
И в огород.

Тебе уже двенадцать лет,
Окреп вполне.
Ведь мужиков в деревне нет –
Все на войне.

Морозно было в том году,
А выход прост:
Впрягусь в салазки
И бреду
За десять вёрст.

Чтоб истопила печку мать,
Согрела дом,
Мне десять вёрст беду хлебать
За сушняком.

Однажды я такой возок
Тянул, как мог.
И хоть мороз щипал и жёг,
Изрядно взмок.

Остановился отдохнуть
Пыхчу, соплю,

Здоровый дух в худую грудь
Ловлю.

Вот отдышусь, чтоб с ходу взять
Лесной бугор –
А том уже село видать
И Фроськин двор.

А там уклон,
А там накат –
Спаситель мой:
Там сани сами норовят
Бежать домой.

Глядь,
Из-за леса “ястребок” –
Нежданно, вдруг.
Он резко лёг на левый бок
И сделал круг.

А я всем телом ощущал,
И слышал бор,
И как чихал,
И как стучал
Хромой мотор.

От “ястребка” лесистый склон
Отпрянуть смог.
А дальше – поле, снег,
И он
На брюхо лёг.

Салазки прочь!
И в снег кульбит,

В сугроб, туда!
Наверно, сокол наш подбит,
Беда!

И я к нему – скорей, скорей! –
Ломая наст.
Не дать замёрзнуть иль сгореть,
Не дать пропасть!

С кабины сдвинуть бы стекло –
Не знаю как.
Заклинило, заклинило
Колпак.

Ужель спасую?
Да ни в жисть!
Сейчас собью.
Готово!
Дяденька, держись!
Я подсоблю.

Ну, что же делать мне с тобой?
Вставай, пошли!
Ведь я же вижу:
Ты живой!
А он:
– Почти...

Я чую:
Он совсем без сил
И белый весь.

– Ты ранен? – я его спросил.
– Немножко есть.

И помолчав:
– Скажи... Того...
Куда ползти?... –
Я по глазам узнал его
И по “почти”.

Не позабуду этих глаз
За сотню лет.
Я так хотел, чтоб не угас
Их синий свет.

Салазки мигом приволок.
Дрова – в откос.
Он кое-как на сани лёг,
И я повёз.

Силёнки слабые свои
Я все отдам.
Мне б целину до колеи
Пройти, а там...

Как я прошёл,
Как я довёз –
Не передать.
Гордился мною весь колхоз,
Гордилась мать.

А через день,
Когда “ПО-2”
За ним пришёл,

Такие он сказал слова:
– Прощай, орёл!

Полёт наш помнишь?
Молодцом!
Что ж, небо чти!
Ты вырос. –
Я его словцом:
– Почти.

Он молвил:
– Времечко не то.
Война, учти!
Сегодня надо на все сто,
А не почти.

У нас с тобою,
У страны
Сейчас беда.
Сегодня Чкаловы нужны,
Как никогда.

Закваски чкаловской пилот
Всегда в чести.
Война пройдёт –
И твой черёд.
А ты – “почти”!

И полыхнул из-под бровей
Небесный цвет,
Как дар, которого важней
На свете нет.

6. ПРИГОВОР

Ну вот, и мой черёд пришёл.
Стою, само собою,
Перед врачами голышом,
Как лист перед травойю.

И доктор,
Видно, главный там,
Пенсне на нос всобачив,
По всяким разным пустякам
Ко мне цепляться начал.

Что, зачем да почему –
Всё рассказывай ему.
Что-то там бормочет,
Не добро пророчит.

Мол, в мозгах ещё война,
Кличет к подвигам она,
Парень славы хочет.
Да не слава мне нужна,
Окаянный сатана!
Я по духу лётчик.

Я, конечно, не кричал,
Я, конечно, промолчал
А профессор, “окаянный”,
Всё по рёбрам мне стучал.

Он стучал, и ворчал,
И опять по мне стучал,
И седую головую

Озабоченно качал.
А потом вопрос задал,
Как пинка под зад мне дал:
– Голодал?

Что ты спрашиваешь, милый!
Ведь война была, война.
Стать здоровым, а не хилым
Не позволила она.
Я бы вырос и окреп,
Кабы хлеб.

Мне и той порой голодной
Не сиделось на печи.
Не была мечта бесплодной,
Ведь почти,
 почти,
 почти...

Ведь душа моя летала
Наяву, а не во сне.
И второй Валерий Чкалов,
Может быть, живёт во мне.

Я же смелый и умелый –
Доктор, толком посмотри!..
Клокотало и кипело,
В небо вырваться хотело
Всё внутри.

ЭПИЛОГ

Глянь: дедуля, как мальчишка,
Не стыдясь своих седин,
Смотрит в небо, как услышит
Песню строгую турбин.

Где-то там, под солнцем красным,
В чёрном космосе почти
Ищут лётчика напрасно
Стариковские очки.

“Как во мне нуждалось небо!
Как я с небом говорил!
Мне б
Тогда
Краюшку хлеба,
Щей да каши вволю мне бы –
Я бы кашу заварил!

Я б такое выдал свету –
Жарко стало б небесам!
Потому что небо – это
Я сам”.

Он старается взглядеться,
Но не видит неба дед.
Видит памятный, из детства,
Из-под шлема
Синий свет.

ПРОСТИ, СЕЛО!

Нет бороды, так нечего и стричь.
Русская пословица.

Подарит колос, если вызрел,
Отрады полное зерно.
И станет хлебом или мыслью
Тобой возвращённое оно.

Часть 1-я

Скорей на родину,
В деревню!
И, унимая в сердце дрожь,
Упасть в объятия к вам, деревья,
Нырнуть по грудь в хмельную рожь.

И уловить, как прямо в душу
Несут давнишние ветра
Кизячным духом отдающий
Дымок пастушьего костра.

Как встарь, купать лошадок в речке,
Где по колено воробью,
Мчат без седла и без уздечки,
Пока болячку не набью.

И по селу пройтись в обнимку
С тобой, целительная грусть...
Здесь все пылинки и былинки
Я с детства помню наизусть.

Зайдя в свою седую школу,
Досадам прежним поперёк,
Я б не упрёк, а стих изрёк
И, в подражание Лужкову,
Кепчонку хватать за козырёк!

Я знаю улицу любую,
Я знаю каждую семью,
Односельчан своих люблю я,
Как родовую ветвь мою.

Тут не шинок, но и не келья
(Егор Кузьмич, не обессудь!).
Тут для веселья и похмелья
Со знаком качества изделье
В гранёной таре поднесут.

Мизинец вверх (по ритуалу),
Хоть не любитель, а приму
Стакан, черняшку, ломтик сала
И в пояс поклонюсь ему,
Ему – отеческому дому,
Ему – всему селу родному:
Полям, просёлкам и лугам,
Моим по крови землякам.

Здесь наши корни, а не где-то
Средь маеты и суеты.
Не занимать отцам и дедам
Ни доброты, ни прямоты.
Они на равных с целым светом,
С работой всякою “на ты”.

В селе спецов – питомник сущий,
Не мастера, профессора!
Вот Фрол по прозвищу Непьющий
(Не пьющий меньше полведра),
Поправившись рассольной гушей,
В заботах с самого утра.

Он Божьей милостью кузнец
И пятерых сынов отец.

Печник Дементий,
Бондарь Фёдор...
В любом подворье свой Левша –
Творец печей, телег и вёдер.
И хоть в кармане ни гроша,
А что ни вещь – поёт душа!

К лицу колодцу лёгкий ворот,
Дворам – черёд резных ворот...
Нет, никогда заморский ворог
Нас в ремесле не превзойдёт!

Пусть и не бриты, и патлаты,
Зато не занимать ума.
У нас ума полны палаты,
Постройки русской терема.

Живёт деревня не спесиво,
А работаще и красиво.
Не за рубли, а за спасибо
Вершит завидные дела.
И понял я, что позвала
Меня сюда сама Россия
В обличье нашего села.

.

Часть 2-я

И вот я здесь.
Но что со мною?

Глазам поверить не хочу.
Как в жутком сне порой ночью,
Кричу без голоса, кричу.

Кругом упадок и поруха.
Как будто кто-то, полный сил,
Взял и красавицу в старуху
Одним мазком преобразил.

Пусть Черниченко байки пишет:
Мол, фермер наш здоровьем пышет.
Ведь фермы –
Присягнуть готов! –
Глядятся без дверей и крыши,
Как рёбра рекордисток бывших,
Ревущих с голоду коров.

Где было чудо в три окошка,
Стоит хибарка – просто жуть!
Как ухитрилась хромоножка
С обрыва в речку не нырнуть?

Как бомж,
Под солнцем и ветрами
Сад, непутёв и нерадив:
Не расцветая, отцветает
И умирает, не родив.

Кому нужда его приветить?
Кому в нём петь иль горевать?
Труда не зная, сохнут ветви,
До срока мшеют деревья.

Теперь торопко тропкой глинной
На кузню, что невдалеке...
А где же Фрол, кузнец былинный?
Сыны – пять пальцев в кулаке?

А тот кулак –
Тряхни, бывало,
Отец кудлатой головой–
Мог стать пудовою кувалдой,
Мог, если нужно, – булавой.

Пытаю встреченного деда.
А тот, душою не кривя:
– Да спился Фрол, нема соседа...
И, потрясённый, крикнул я:
– А сыновья? А сыновья?
Старик махнул рукой в ответ:
– У них до города билет.

В рассветных сумерках деревня...
Бросая дом – былой приют,
Они родительские двери
Крест-накрест досками забьют.

Уньло заколотят ставни
Над угасающим окном,
Как будто мёртвому придавят
Глаза тяжёлым пятаком.

И кинут вещи на повозку,
Последний раз взглянув окрест.
А на дверях белеют доски,
Как на погосте свежий крест...

Печник Дементий умер тоже.
И бондарь Фёдор тихо сник...
Никто в деревне искру Божью
Не унаследовал от них.

Как дом срубить – никто не знает,
Сапог подшить,
Очаг сложить.
Теперь заботушка иная:
Как, не работая, прожить?

Где на бутылку самогона
Кредит бессрочный схлопотать?
И речь кудрявится ядрёно –
Про Бога, душу и про мать.

Тогда в отчаянье спросила
Моя досада, боль моя:
– Да разве ж это ты, Россия?
Тобой возвращённая семья?

Внезапно мысль меня сразила:
Она не в отчий дом звала,
А к месту лобному, Россия,
За горе горькое села.

Мешает в кучу явь и сны
Сознание жгучее вины.
Но, как любому из людей,
Мне крикнуть хочется:
– О, Боже!
Не я, не я тот лиходея! –
А Бог в ответ:
– Не ты? А кто же?

Я ПОМНЮ ВСЁ

Гроза бьёт по высокому дереву.

Народная мудрость.

Затменье солнца – грозное явление
В неведомой космической глуши,
Напоминанье и предупрежденье:
Не сотвори затмения души.

Да что же с нами, братья? Кто ответит?
Откуда напозла на нас беда?
Мы мечемся, как дерево под ветром,
Как маятник шальной, туда–сюда.

ПРОЛОГ

Когда прощальным холодом повеет
И с вечностью захочется “на ты”,
Приходит срок особых откровений,
Суровой,
Без оглядки,
Прямоты.

И мысли –
Растревоженные волны –
Колоются о факты-голыши.
И не уйти от исповеди полной,
Прилюдной обнажённости души.

Сквозь памяти замшелую калитку
Протиснусь к тем,
Трагичным,
Временам
И правду –
Исповедную молитву –
Я обращаю
К кому – не знаю сам.

Я личное с державным сопрягаю,
За всё себя, а не страну казня.
Ведь жизнь была такая, не другая,
Одна –
И у страны, и у меня.

Не возвожу я ни в какую степень
Своей судьбы лихую круговерть.
Мне выплеснуться досуха успеть бы!
Тогда уж не досадно умереть.

1953
ПРОЩАНИЕ

Я помню всё:
Безмолвье чёрных улиц,
Смятение и растерянность вокруг.
Как будто мы от горя захлебнулись
И жизнь сама остановилась вдруг.

Всё в мире стало призрачно и зыбко,
Хотелось –
Руки к небу и завывать!
А может, это страшная ошибка?
Ведь этого никак не может быть!

Роняло слёзы мартовское небо,
Капель с берёз
Выстукивала SOS.
А люди шли потерянно и немо
К его скульптуре,
Будто на погост.

Век не забыть “нештатного момента”,
В нём было столько боли и тепла:
Наивная старушка к монументу
Домашний фикус в санках привезла.

А радио не очень нас щадило:
То скорбный марш,
То скорбные слова.
И солнце, закатившись, не всходило,
И вся в снегу,
Как в саване,
Москва.

Нас двадцать два,
Приехавших в столицу
Всем курсом, безбилетных удалца, –
Хоть с мёртвым повидаться и проститься,
И клятву дать
На верность,
До конца.

Он был народу
Верой и опорой,
Иконою и солнечным лучом.
Он был врагам
Грозой, в расправе скорой,
Решительным карающим мечом.

Кого-то ждали сумрачные дали
И лагеря средь вековых снегов.
Вы скажете:
– Невинных осуждали.
А я:
– Неужто не было врагов?

Ценою и лишений, и страданья
Он выстроил великую страну.
В чём виноват –

Ни слова в оправданье!
А в чём он прав –
Не ставь ему в вину!

Ему, как Богу, клали мы поклоны.
Но – Господи! –
Как просто отrekliсь!..
А мы тогда
Не прорвались в Колонный,
Хоть сутки где-то около толклись.

1937

КОСТИНЫ ЛАПТИ

Я помню,
Как на праздник первомайский
Окрасился непраздничным огнём
Наш сельсовет –
Ещё недавно барский,
Единственный в селе кирпичный дом.

Хлестал по избам колокол набатный,
Стонал,
Взывал,
Суров и голосист.
Средь первых прискакал чудаковатый,
Как пламя, рыжий
Костя-активист.

Федот Шаламин поглядел на Костю,
На пару не обношенных лаптей.
– Никак обнова? Аль собрался в гости?
Ехидно ухмыльнулся богатей.

В глаза Федоту,
Не скрывая злости,
Хоть был и неказист, и ростом мал:
– Твоя работа? – не сдержался Костя.
– Хоть и моя... А ты меня имал?

Не сам поджѐг.
Подручных нету, что ли?
Федот хозяин справный как-никак
И полсела, долгами обезволив,
Зажал в кулак.
На то он и кулак!

Взмывали искры над горящей крышей,
На избу на соседнюю вились.
Тогда залез на ту избѐнку рыжий,
В своей обнове
Костя-активист.

Жила в избушке вдовая старушка.
Кто охранит, кто защитит её?
Прикрыл солому ветхою дерюжкой
И поливал ведѐрком ветошьѐ.

И гасли искры, падавшие кучно.
И бабий визг уже замолк почти.
Да только искры ненависти жгучей
Метали вверх кулацкие зрачки.

Тут полыхнуло.
Костя прыгнул в пламень,
Топтал его,
Бранил его,

Давил.
Но рухнул вниз.
И всхотнул Шаламин:
– Видали? Костя лапти обновил!

Я помню всё.
У Кости в стылом взгляде
Стояло небо праздничного дня.
На голове
Не огневые пряди,
А клочья настоящего огня.

И день померк –
Ни лучика, ни блика.
И стало холоднее и темней.
Май угасал.
И лишь светилось лыко
Не обгоревших костинных лаптей.

...Шли годы.
Уходили дальше, дальше.
Шаламин вдруг хрущёвскою порой
Вернулся
Как невинно пострадавший,
Не враг, не погубитель, а герой.

Конечно, сдал.
Ушла былая сила.
Седой, как лунь, сутулый и в очках.
Не тот Федот.
А ненависть сквозила
Всё та же в не смирившихся зрачках.

И всякий раз, когда встречались бабы,
Напоминал:
– Всему приходит срок.
Я свой отбыл. Теперь и вам пора бы
Давнишний мужнин возвратить должок.

Не бабы отвечали,
Вдовья доля:
– Вернули бы, да не пришли с войны.
– На то, – Федот гутарил, – Божья воля,
А раз должны – то, стало быть, должны.

И вот принёс однажды новость кто-то,
Каких ещё не знали новостей:
Мол, утром на воротах у Федота
Болталась пара новеньких лаптей.

Федот убрал.
Но снова дар висячий
Наутро множил слухи на селе:
– Наверно, это Костя, не иначе,
Шаламину напомнил о себе.

И скис Федот.
Душа его поникла.
Щетина – словно жухлое жнивье.
Так наложило липовое лыко
На мужика проклятие своё.

Потом оно Федоту на могилу
Всё в той же сути, лыковой, легло.
Нет, не простило и не позабыло
Ни буковки,
Ни зёрнышка
Село.

1939
ОТЕЦ АМВРОСИЙ

Я помню,
Как июльской порою
Село собрали на всеобщий сход:
– Чтоб лучше жить,
Давайте храм закроем!
Согласны? –
Но безмолвствовал народ.

Райкомовский начальник,
Пухлый чайник,
Про “опиум” талдычил битый час.
– Согласны?
Но насупленно молчали
Все как один, не поднимая глаз.

Встал гэпэушник, кобуру потрогал,
Ремень поправил –
Истая гроза!
– Ну, кто тут “против”? –
Вопросил он строго. –
Нет? Значит, все единогласно “за”!

Сход промолчал.
Тогда наш поп Амвросий,
Взяв крест литой, поднялся на бугор
И, как в набат ударил, слово бросил –
Себе и лиходеям приговор:

– Сказал Господь: по вере вашей
Да будет вам,
Не по словам, по правде вящей

И по делам!
Словами Господа укажем вам:
Не троньте храм!
Изыдьте, злые и лукавые,
Проклятье вам!
Лозу, плодов не приносящую,
В огонь кидай.
Власть беззаконие творящую,
Не принимай!

... Угасло лето,
Наступила осень.
Без устали холодный дождик лил.
Исчез священник, правдолюб Амвросий,
Что власти кару Божию сулил.

И стала церковь
Клубом и читальней,
Ушли на переплав колокола.
А люди стали скрытней и печальней,
Уж не узнаешь прежнего села.

Но выискался тот, кто был, наверно,
Отчаянно решителен и смел.
Как Господу в молитве сокровенной,
Он Сталину поведать всё сумел.

Вопящие каракули проникли
В недостижимый вроде бы предел.
Не про такие ль письма,
Не про них ли
Докладывать особо он велел?

Всё изменилось буднично и скоро.
Село вернуло свой уклад былой.
Явился наш Амвросий непокорный,
Всё тот же,
Но какой-то не такой.

Нам было странно и умильно было:
В безбожный клуб,
Как в Божий храм, войдя,
Молился поп и помовал кадиллом
О здравии безбожника-вождя.

Не каялся в былых речах оплошных,
Но поперёк ни слова не сказал,
Чтоб в храме,
Возвращённом к сути прошлой,
Остался до поры читальный зал.

Так было до поры, не очень дальней,
Всего весну и лето,
А потом
Большой и светлый,
С клубом и читальной
Построили в селе Народный дом.

Когда пришло военное ненастье,
Письмо Амвросий Сталину послал:
Мол, отдаю народной нашей власти
На самолёт церковный капитал.

Ещё писал неистовый Амвросий:
– Когда побьём тевтонское зверьё,
Для храма пушку медную попросим,
Чтоб перелить на колокол её.

Уж нет давно Амвросия на свете,
Но слушает по-прежнему народ
Колокола малиновые эти,
Что Сталин подарил в победный год.

1941
ПАРАД

В истории, наверно, не отыщешь
Таких событий и похожих дат:
У стен столицы враг волком рыщет,
А в осаждённом городе парад.

Рассвет, казалось, истекает кровью,
Расстреляна из пушек тишина.
В смятении Москва и Подмосковье,
В тревожном ожидании страна.

А Сталин полон думою одною:
Сегодня, может быть, всего важней
Ему опять предстать перед строною,
Поднявшись, как всегда, на Мавзолей.

Он сознавал:
По духу и по силе
Сопоставимо с мощью огневой
Его явленье воинству России,
Благословение на смертный бой.

Он понимал,
Как много значит слово,
Которое отсюда прозвучит.
Спокойный вождь

В шинели рядового,
Он для Москвы, пожалуй, главный щит.

Ведь он сейчас –
Всему на свете мера,
К уверенности, к мужеству мосты.
Не выйди он –
Народ утратит веру;
Не будь его –
Не отстоять Москвы.

Он не уехал в тыловые дали
И в бункерной не скрылся глубине.
Слова его отечески звучали
Бойцу и командиру,
Всей стране.

Ему войска с надеждою внимали.
С парада – в бой! –
У них один приказ.
Я думаю невольно: не тогда ли
От страха Гитлер вздрогнул первый раз?

В солдатской гуще
Командиром взвода
Стоит мой батя. Он уже готов
Шагать на запад все четыре года,
До кенигсбергских сумрачных фортов.

Он знал, что здесь, где похоронен Ленин,
У сердца у державного –
Хоть режь! –
Его последний,
Самый распоследний
Попятного движения рубеж.

А рядом с бате́й – рядовой ровесник,
О ком сейчас так часто говорят, –
Известный
Как навеки неизвестный,
В столице похороненный солдат.

Им верится:
Придут иные даты,
Им видится победа впереди,
Поскольку сердце русского солдата
Колотится у Сталина в груди.

Вождь не скрывал своей душевной боли.
И всё же враз поверила страна:
Стоит Москва,
Его железной волей,
Как мощною стеной защищена.

И становилось сталинское слово,
Что говорилось смело, напрямиком,
Бронёй в оборонительном заслоне,
Снарядом,
Бомбой,
Пулею,
Штыком.

И дух окреп,
И осветились лица.
И сознавал, наверно, каждый тут:
Коль Сталин здесь –
То выстоит столица;
Коль рядом он –
Фашисты не пройдут.

Он проявил, –
Коль мыслить непредвзято,
Не брать в расчёт мышиную возню, –
И мужество, достойное солдата,
И мудрость, что положена вождю.

...О том параде
Сквозь бои и годы
Отец мой память верную пронёс...
А кто-то всё долдонит про погоду:
Мол, выиграл сражение мороз.

1961
“ОГО”

Сперва вернусь в ту –
Мартовскую –
Повесть...
Рыдали мы и не скрывали слёз,
Когда в степи остановился поезд
И жизнь, казалось, пала под откос.

И паром, словно саваном, окутан,
Наш паровоз сильнее нас рыдал.
И каждый в эти скорбные минуты
В который раз святую клятву дал.

Все двадцать два –
В любое пекло вместе!
Куда страна прикажет –
Как один!
Мы поклялись, что не уроним чести
И памяти его не предадим.

Ещё решенье это не остыло,
Не улеглась в сознании беда,
А жизнь своей дорогой покатила
И разбросала нас кого куда.

Работали, простые вили гнёзда –
Кто в городе, кому милей земля.
Один из нас – ого куда! – вознёсся,
Пригрелся у державного руля.

Сменилась власть.
Ушла пора великих,
И на слуху другие имена.
Настала эра серых и безликих,
Предательства лихие времена.

Я помню,
Как “наследники престола”
Пустились в пляс над урною его.
Тут объясненье самое простое –
Взбесившегося рабства естество.

Вы не соратники!
Вы сгусток мрази!
Вчера без меры лившие елей,
Сегодня не слова, а комья грязи
Вы мечете в священный Мавзолей.

Взывать ли к вашей совести?
Не стану!
Все видели, все знают без того:
Кто громче всех трубил вождю осанну,
Тот пуще всех охайвал его.

Трусливые шакалы, как вы взвыли!
Рвать на куски готовы, осмелев.
Какая прыть!
А где вы раньше были?
Теперь-то он не страшен, мёртвый лев.

Я помню,
Как “великий мальчик Женья”
Озвучил поэтическую речь.
О чём трубил наш самозванный гений?
Как Сталина из Сталина извлечь.

Судьба меня закинула однажды
В столицу, в деловую круговерть.
Как жарким летом утоленья жажды,
Мне на “Ого” хотелось посмотреть.
На пятый день мне позвонили:
Можно.
Я понимал: такая куча дел!
Он в кресло еле втиснул зад вельможный
И на часы с намёком поглядел.

А я спешить ему не обещаю,
Не молвится святое второпях –
О дружбе,
О студенческой общаге,
О волейбольных и иных боях.
– А наши клятвы!
Ведь и мы с тобою...
А мартовский,
От слёз горячий снег!

– Ну, милый, это детство голубое!
Пойми, ведь ты не глупый человек.
Забудется “родной товарищ Сталин”,
История отторгнет...

– Погоди!
Ведь мы же не из камня, не из стали.
Когда его в могилу прятать стали,
Здесь маршалы калёные рыдали,
А у тебя не дрогнуло в груди?

– Народ отверг усатые иконы
И сказки о “всеведущем отце”.
И сколько снисходительности в тоне!
Какое превосходство на лице!

О времени потраченном жалея,
Я высказал вальсяжному “Ого”:
– Вы вынесли его из Мавзолея,
Из наших душ
Не вынести его!

Рубиновые звёзды еле тлеют,
Краснеют от великого стыда.
Что из того, что он не в Мавзолее?
Он в памяти народной навсегда.

ЭПИЛОГ

Мне снилось,
Что лечу всё выше, выше
И вижу я сквозь утренний туман,

Как из Кремля неторопливо вышел
Кому великий вождь,
Кому тиран.

Он, как солдат, в своей шинели серой.
Не так чтобы осанист, невысок.
Как прежде, и спокоен, и уверен,
Совсем не страшен, хоть и очень строг.

И сразу вдруг притихла, приумолкла
По-бабьи говорливая Москва,
Когда негромко он промолвил только
Обидные, укорные слова:

– Ты помнишь:
За тебя, народ великий,
Я здесь заздравный тост произносил?
Пошто сегодня хлипкий ты и никлый,
Пошто кругом калеки да калики –
Ни мужества, ни мудрости, ни сил?

Конечно, не по глупости и лени,
А по своей наивности простой
Ты дал себя поставить на колени
И расколоть державу на поленья,
Как на растоп сосновый сухостой.

Корил народ, корил Россию Сталин,
И боль в его словах слышна была.
Выходит, мы по воле вражьей стаи
Историю, великие дела,
Самих себя
Нещадно испластали
С потягом – от плеча и до седла.

Забыли всё:
Обычаи, устои,
Своих героев и своих вождей.
Поём чужое, пляшем под чужое –
Иваны без корней и без идей.

Кремлёвских коридоров достигают
Под западные злые сквозняки
Крикливые тупицы попугаи,
Безвольные мальчишки-слизняки.

– Эх, нам бы – власть бы!
Мы бы вам бы – счастье!
Да мы бы!..
Да тогда бы!..
Пир горой!

И рушили державу в одночасье
Чужим умом и собственной рукой.
В Москве когорта целая осела
Нахальных ненасытных чужаков,
Жирующих без меры и предела
За счёт безгласных русских мужиков.

И слышу говорит товарищ Сталин
И с гневом, и с обидою опять:
– Россию оскопили, обобрали,
Смогли и оболгать, и оплевать.
Я спрашиваю:
Русским не пора ли
Самим своей страной управлять?

Страна устала от такой мороки.
Безмолвствует растерянный народ.
У власти не вожди, а скоморохи.
Не в летописи их, а в анекдот.

Вы думаете, к стенке их поставлю,
Коль мне вернуться удалось теперь?
Вам в наказание
Править их оставлю.
Терпите, если нравится терпеть!

Проснулся я.
И слышу – тишь такая,
Как будто сном вся Русь поражена...
А может, тишина предгрозовая?
Предвестьем урагана тишина?

ЗОЙКА, ЗОЙКА...

Не твоя честь – под святыми сесть.

Русская пословица.

Уронить бы слезу, да не плачется,
Закричать что есть сил, да в горле ком.
Что сберечь не смог – не оплатится.
К могиле припасть – да где тот холм?

Не припасть, не взрыдать, дыша-не дыша.
А немая тоска разрывает грудь.
Ну, когда-нибудь отболит душа?
Ну, когда-нибудь...
Ну, когда-нибудь...

МАМКИН НАКАЗ

(Пролог)

Говорила мне мать пророчица,
Сколько помню, с давнего детства:
– К одному беда только просится,
А с тобой неминуче встретится.
Уж такой ты, видать, везучий,
Весь в меня – как в зеркало глянуть.
Но беда – не беда, если учит
Почитать мозоль, а не глянец. –

Ну, про глянец я и не ведал.
Мой привычный удел – мозоли.
Я труду учился у деда
И учителя не позорил.

С той далёкой поры я помню,
Что гужами зовут, что супонью,
Не позволю себе оплошность,
Надевая хомут на лошадь.

Топором, молотком, косою –
Всем, что есть на селе, владею.
А чего не постиг – освою,
Если это на пользу делу.

Ну, а беды – крутой учитель.
Научили, когда лупили:

О других сперва хлопочите,
А потом о себе, любимых.

Слово мамкино стойко помня,
Словно дар Господень, приемлю
Лист бумаги и пашни комья.
И пишу, как пашу землю.

ВСТРЕЧА

Любовь...
Любовь? А что оно такое?
И в сказках то и дело, и в стихах:
Ну, ни в какую друг без друга двое.
Коль вздох – то ох!
А коли шаг – то ах!

Чудно и непонятно.
Между нами,
Посланниками каждого двора,
“Консенсуса” не вышло,
и тогда мы
Проблему отложили до утра.

Ведь утро, как известно, мудренее.
Проснёмся, искупнёмся, а пока
Для каждого из нас всего важнее
Плотвично-окунёвая река.

Есть у меня заветное местечко –
В кувшинках чуть заметное окно.
Вот здесь и сорвалось моё сердечко,

Случилось это самое...
ОНО...

Представьте,
Там, где я удить привычен,
Где и коряга всякая – моя,
Таскает, не спросясь, моих плотвичек
Какая-то неведомая фря.

И хорошо, скажу я вам, таскает:
Одну снимает – глядь, клюёт ещё.
И обуяла злость меня такая,
Что я гневливо спросил:
– Ты чё?

Пичуга обернулась:
– Извините! –
Глазищи полыхнули синевой –
И лопнули невидимые нити,
Что связывают сердце с головой.

Я умирал от холода и зноя,
То дождика желая, то огня.
И было ощущение такое,
Что сердце уплывает от меня.

– Я к бабушке... Из города... На лето...
Каникулы в деревне проведу...
Я невзначай нашла местечко это.
Ловите, я ещё себе найду. –

– Ничё, лови! Тут рыбы – без отказу.
На этом месте всегда клюёт.

Не поплавок я видел краем глаза,
А носик облупившийся её.

Пичуга щебетала без умолку,
А мне взлететь хотелось в небеса.
Любовь пришла.
И длилась долго-долго –
До ужина, почти что два часа.

А утром я внушительно и строго
Сказал друзьям, молокососам всем:
– Любовь – когда вот здесь
(Я грудь потрогал)
Чегой-то как-то очень не совсем.

Мне было что приятелям поведать
Из личного познания моего.
Ведь как никак, а девять сердцееду,
И даме сердца около того.

ОПЯТЬ ОНА

И куда оно, чумное,
Мчится время от тебя?
В пятый класс освоен мною
Путь с начала сентября.

Всё бы как бы ничего бы –
Та же школа, те ж друзья.
Но пинок особой пробы
Отхватил в ту осень я.

Чтобы вдруг лихому парню
Очень сильно досадить,
Надо попросту за парту
С ним девчонку посадить.

Это что ж такое, братцы?!
Иль ничто мужская честь!?
Нет, такое святотатство
Не стерпеть, не перенести.

И слышался с “камчатки”
Издвательский смешок.
– Во везуха! Ворох счастья! –
На весь класс съязвил дружок.

Я, конечно, этой крале
Обозначил, что к чему.
Расфуфырилась, видали?
Что за птаха – не пойму.

– Ты откель взялась, сморкуля? –
И в ребро соседку – толк!
А она в ответ сверкнула
Синим взором.
Я и смолк.

И с улыбочкой спросила:
– Как плотва? Клюёт, небось? –
Препротивный, милый-милый
Обгорелый сморщив нос.

Ох, ты, маменька родная!
Чёрт-те, что и Боже мой!

Что со мною, я не знаю.
Я не знаю, что со мной.

Взмок от пяток до макушки,
Оробел, недвижим стал.
Для чего-то все веснушки
У неё пересчитал.

Почему, скажи на милость,
Стал я вдруг и глух, и нем?
Чую, вновь в меня вселилось
“Чтой-то как-то не совсем”.

И опять судьба-злодейка
Или фея-чародейка
Это самое “ОНО”
Запустила мне в окно.

Снова холода и зноя
Не могу сдержать напор.
На тетрадке вижу: “Зоя”,
Словно смертный приговор.

Пыла-жара не жалею:
– Чё пристала, как репей?!
Но одну мечту лелею:
Быть за партией рядом с ней.

В ГОРОД

Не знаю,
На беду иль радость

Меня обрѣк капризный рок.
Нежданно Зойка объявлялась
И упорхала, как вьюрок.

Велело девочке здоровье
Пожить в деревне целый год,
Благословлять дары коровьи,
Глотать и мѣд, и кислород.

Пожить в деревне, на природе –
Душе и телу благодать!
Помашешь тяпкой в огороде,
А можешь ягоды собрать.

Захочешь – можно вырвать репку,
Лучок пахучий пощипать.
Она у бабки так окрепла,
Что стало Зойку не узнать.

И подросла, и сильной стала,
Приобрела и прыть, и стать.
Но время мчалось и скакало –
И унесло её опять.

А унесло в тот самый город,
Что станет мне и мил, и дорог,
Где неизменному “ОНО”
Ко мне вернуться суждено.

Прошло пять лет –
и вот я здесь,
На грани юности и детства,
На грани блага и злодейства,
На грани яви и чудес.

ВЗГЛЯД

Я ожидать чудес не мог,
И все ж случилось чудо.
В свой класс переступив порог,
Услышал тонкий голосок:
– Никак рыбак! Откуда?

Меня как молния ожгла.
Да не ожечь и не могла:
Я слышал голос бойкий
Почти забытой Зойки.

Я повернулся и застыл.
Она ли это, Боже!
Глазам поверить нету сил,
И вновь мороз по коже.

Я слышу сердца своего
Лихие перебои.
Я вижу сини торжество,
Веснушки – больше ничего
От той, от прежней Зои.

И лучезарна, и стройна,
В мою судьбу вошла она,
Вошла легко и сразу
По колдовскому сглазу.

Вселилось, как тогда, давно,
Под перестук сердечный
В меня то самое “ОНО”,
Теперь уже навечно.

А встреча – разве не мотив
Обнять меня по-свойски?
Я вздрогнул, взгляд перехватив,
Недобрый, очень жёсткий.

ОСЕННИЙ СОЛОВЕЙ

Удивительное дело!
Мне и в радость, и невмочь
То, что мучиться велело,
Что горело и болело
И день, и ночь.

Наше первое свиданье –
Как в тумане, как во сне.
Ожиданье и гулянье,
Провожанье и молчанье
Наедине.

Этот вечер и сегодня
Вижу я, и помню я:
Пруд, расшатанные сходни,
И луну, влюблённых сводню,
И соловья.

Нет, конечно, мне известно:
Осень – что за соловей!
Только сердцу было тесно,
И оно творило песни
В груди моей.

Много строк,
Влюблённый олух,
Наплодил я той порой,
Строк и квёлых, и весёлых,
И летящих, словно пчёлы,
За роем рой.

Если честно, детский лепет –
И корявы, и мелки.
Но зато сердечный трепет
Бился в них, как бьётся стрепет,
Попад в силки.

К БАРЬЕРУ

Тогда, в мои семнадцать лет,
Всё выглядело просто:
Один вопрос – один ответ.
Да или нет?
Да или нет?
И если нет – померкнет свет,
А если да – жить до ста.

Я не в словах искал ответ,
А у неё во взоре.
Она глядит?
То да, то нет.
И если да – от бед лишь след,
А если нет – букет из бед
В немислимом наборе.

Как я метался, как страдал,
Молил: ну, погляди же!
Крутились мысли, как радар:
Где тот квартал и тот портал?
Всё, что имею, я б отдал,
Чтоб стать к ней чуть поближе.

Я и минуту без неё
Потерянной считаю.
В том оправдание своё
Нашло моё житьё-бытьё.
Но злого взгляда остриё
Всё чаще замечаю.

Не раз, не два из-за угла
Летел мне камень в спину.
По вечерам скрывала мгла
Ревнивца подлые дела,
Но разрешить не помогла
Конфликтную причину.

Казалось, рой гудящих пчёл –
Для Зойки – как награда.
Но как-то раз я в класс вошёл
И разом замер, словно столб,
Поскольку на доске прочёл
Куплет своей баллады.

Неужто Зойка предала
И все мои рулады
Листок к листочку собрала,
На осмеянье –
Ну, дела! –

Мерзавцу Джеку отдала,
Владельцу злого взгляда?

Тень на плетень наводишь зря!
Какой ты Джек! Ты Яшка.
Что ожидать от упыря!
Он, злою завистью горя,
Стишок тот выкрал втихаря,
Навозный жук, букашка!

О нём по школе слава шла:
Фотограф и художник.
И Зойка мастером звала.
А я бы этого козла...
Конечно, это я со зла,
От ревности, похоже.

Я вслух сказал:
– Не трусь, плейбой!
Не прячь своей личины.
И выходи на честный бой,
Да не оравой, не гурьбой.
Глядь, разберёмся меж собой –
Мы как никак мужчины.

Он не признался и не встал.
Подумалось тогда мне:
Сломаю я твой пьедестал,
Чтоб ты самим собою стал
И никому бы не метал
Трусливо в спину камни.

Я всё проделал напоказ,
Без судей и без ринга:
Пусть видит весь десятый класс,
Как схлопотал он между глаз,
Чтоб отвертеться в этот раз
Не смог от поединка.

ОТЛУЧЕНИЕ

Полудождик, полуснег
Подарило небо ли?
Струсил Яшка,
 злобный Джек –
Поединка не было.

Предстоит листву мести
Холоду ли, ветру ли.
Честь у трусов не в чести,
Лучше просто донести
Обо всём директору.

Ждём морозец и пургу,
Наготове топливо.
У директора в мозгу
Плоскостопие.

Ветер с севера подул.
Школярам не зябко ли?
Драка в школе?
Караул! –
И в приказ каракули.

На сегодня минус пятьОбещали с вечера.
Хулигана –

в шею гнать!

Тут и думать нечего.

Уж зима свою печать
Положила знаково.
Зойку стали замечать
С этим Джеком-Яковом.

А морозец нынче крут,
В инее все ветушки.
Коль не нужен – мой маршрут
На деревню к дедушке.

Я со школой разлучён
И с неверной Зойкою.
Но научит, что почем,
Жизнь бичом и калачом,
Зноем и позёмкою.

Отыскал свою пилу,
Верную, примерную.
В лесорубы поступлю
И пойду в вечернюю.

За окном мороз трещал.
Натопили горенку.
Дед вещал,
как обещал,
Притчу горькую.

ДЕДОВ СКАЗ

– Было, нет ли – неведомо, –
Гутарил мой дед. –
А тебе поведаю
Впрок, как завет.

Может, в нашем селе,
Может, в замезье
Парень выбрал себе
Бабу замужню.

Ейный мужик
На чужой стороне.
Ему ль тужить
О былой жене!

Вроде она и мужняя,
А вроде и вдовая.
А любовь разбужена,
Не сладишь с любовью.

Речка мнёт камыши,
Моет камушки.
Всё про всех в той глуши
Знают бабушки.

“Вестимы думушки:
Выйтить замуж бы”, –
Моют кости кумушки,
Как речка камушки.

Враз молва полетела,
Дошла до отца.
“Покажь, знамо дело,
Допрежь венца”.

Вот и невеста!
Как есть – весна!
Она и небесна,
Она и земна.

Любуйся, улица, –
Икона лицо!
А невеста споткнулася
О крыльцо.

Ахнуло обчество,
Вздвогнул люд.
Слова отчего
Про примету ждудт.

Сноха не сноха,
Пока невеста,
Собой неплоха,
А сникла не весть как.

Отец будто спичка:
“Сынок, постой!
Вышла спотычка
У нас с тобой.

Не быть тебе в паре
Коренником.
Нет ей, паря,
Дороги в наш дом”.

Сын ошарашенный
Онемел, смолк.
Слову страшному
Перечить не смог.

Народ у крыльца
Гудит, как улей:
“Сынка об отца
Споткнули”.

А бабки в валенках
Бубнят на завалинках,
Им чужая беда –
Что пола вода:

“Вечно вещими
Снам не быть.
Вечно женщину
Не любить!”

Но не слышит он
Тот бабий трезвон.
Слышит словно сквозь сон
Свой стон.

С тех пор ни утра, ни вечера,
Ни ночи ему, ни дня.
Жизнь изверчена, изувечена
От покрышки до дна.

Раннюю старость
Обрёл молодец,
Бобылём остался.
Тут и сказу конец.

В этом сказе, милоч,
Простая мысль:
Твой путь далёк,
Гляди, не споткнись!

Коль надоть – слухай,
Что бают кругом.
Но ладь житуху
Своим умом.

Гроза придёт и уйдёт,
Опять тишина.
Любовь уйдёт – не придёт,
Одна она.

ОПЯТЬ “ОНО”

Прошла зима. И по весне
Меня измучила тревога:
А может, по своей вине
Я потерял её, ей-богу?

На ум и раз, и два, и пять
Приходит самое простое:
Наверно, стоило узнать,
Что было на сердце у Зои.

И после трудового дня
Не спится, мучают вопросы.
Как потревоженные осы,
Они преследуют меня.

Полдюжины ночей подряд
Я видел сон один и тот же.
То бабки въедливо твердят:
- Любви нет и быть не может!

То мой дедуля, строг и прям,
Их принародно обличает,
Кричит бабулям:
– Стыд и срам! –
И сплетницами величает.

Те, словно паутину вьют,
Талдычат истину свою:
– Вечно вещими
Снам не быть!
Вечно женщину
Не любить!

В ответ другая сторона:
– Любовь одна, любовь одна!
И, как из пушки, бьёт и бьёт:
– Уйдёт – не придёт,
Уйдёт – не придёт!

А я не ведаю,
как мне быть.
Хочу не любить –
не могу забыть.
И снова оттуда,
из рваного сна:
– Обманет, обманет,
обманет она!
Но мой дедуля

у них на пути:
– Любовь одна.
Не дай уйти!

Что сон!
Воскресным майским днём
Мир опрокинулся вверх дном.
Всё то молчало, то звучало,
Святую радость излучало,

Хвалило блёсткою любой
Мою воскресшую любовь.
И солнце с пламенного неба
Свисало караваем хлеба.

Я завопил:
– Одна! Одна! –
С тревожным сновиденьем споря.
Она пришла!
Пришла она,
Моя единственная Зоя!

– “ОНО” опять ко мне пришло! –
Я закричал на всё село.
Село перепугалось малость,
А Зоя весело смеялась.

– Как ты нашла меня, скажи!
– Нашла. Подумаешь, край света!
– А Яшка?
– Сказки, миражи.
Его и не было, и нету!

– Хочу спросить тебя давно:
Окончишь школу – и куда ты?
– Я в медицинский. Решено.
А ты куда? –
– А я в солдаты.

Великий день!
Счастливей дня
Ни до, ни после не бывало.
Она осталась у меня,
У нас с дедулей ночевала.

ДЖУЛЬЕТТА И РОМЕО

Что за прелесть это лето!
Что за чудо эта жизнь!
Наша песенка пропета –
Женись!

Мы повязаны до гроба.
Друг без друга – не житьё!
Будем строить вместе, оба
Благоденствие своё.

Но пора!
Моя Джульетта
Ускакала в институт.
А Ромео?
Месяц где-то
Проведёт бедняга тут.

Сдал экзамен за десятый.
И пока, – туда-сюда, –
Жду, пойду иль нет в солдаты.
Если да –
Когда? куда?

Как там Зоя?
Что там Зоя?
Маюсь – места не найти...

Только жизнь иного края
Ожидала впереди.

ПЕРЕПИСКА

Зоя – в вузе.
Я – служивый.
Почта связывает нас,
Будто мы болтаем вживе,
Разговариваем всласть.

Я пишу:
– Привет, роднуша!
А она в ответ:
– Привет!
– Понимаешь, очень нужен
Моему дружку совет.

–У меня их –
 сколько хочешь,
По умеренной цене.
За кого, скажи, хлопчешь?
Любопытно дюже мне.

– Есть тут парень орлоглазый...
– Орлоглазый? Ну и ну!
– Видно, сдвинулся по фазе:
Ищет тещу и жену.

– Тещу – ладно. Если надо,
Тут и стопка, и блины.
А жена? Какого ляда
Он дожждётся от жены?

– Да ты чё! Ему же снится
Дом уютный и покой.
Даже я готов жениться
В ситуации такой.
Ведь жене хранить границы
Дорого очага,
Подметать, стирать, браниться.
Тёща в доме – на фига?

– Ты бы так и молвил сразу!
И тебе, и лупоглазу...
– Орлоглазу!
– Орлоглазу.
(Тьфу ты, не запомнишь сразу!)
...Домработница нужна,
А не мужняя жена.

– Ну, ваще! Совсем запала!
Парень – во! Сказать не грех.
– Быть хорошим – нынче мало.
Надо, чтобы лучше всех!

– Так и есть! Он умный, смелый.
А комплекция! А статья!
И уже полдела сделал:
Он согласен мужем стать.

– Ох, уж эти мне мужчины!
Нет, так дело не пойдёт!
И вторую половину
Не мешает взять в расчёт.

– Что нам кручи! Что нам тучи!
Откровенно говоря,
Парень – жгучий и кипучий,
И везучий, и могучий.
Он и вправду самый лучший.
Потому что это я!
А теперь пора решить,
Как с другим “полделом” быть.
Я прошу зазнайку Зою
Срочно стать моей женою. –

МОЛЧАНИЕ

Два моих солдатских года...
Что особенного в них?
В них особенного рода
Испытанье для двоих.

Ведь разлука –
Это мука.
Надо верить, надо ждать.
Но любовь такая штука –
То беда, то благодать,

То обида, то отрада,
То надежда, то нужда,
То святое слово правды,
То коварство и вражда.

Зоя, Зоя!
Что с тобою?
Осень – прочь, уже зима...
Видно, жизнь иного края
Началась с того письма.

Ни ответа, ни привета,
Ни шутейно, ни всерьёз.
Заблудились письма где-то?
Или поезд не довёз?

Зойка, слышишь?
Зойка, слушай!
Запечатав тот конверт,
Я и нас, и наши души
Испытанию подверг.

Зойка, Зойка!
Ну, хоть слово!
Не молчи, Христом молю!
Боль признания любого
Я снесу, перетерплю.

Откажи иль дай согласие,
Однозначно мне отмерь –
То ли счастье,
То ль несчастье,
То ли жизнь,
А то ли смерть.

Почему ты вдруг умолкла?
Как мне вырваться к тебе?
Что случилось?
Где ты, Зойка?
Сердцем чую: ты в беде.

ДОМА

Жизнь солдатская течёт,
Как моя родная речка.
Год второй ведёт отсчёт,
А от Зойки ни словечка.

Как в пустыне без воды,
В этом тягостном молчанье.
Ожидание беды
Вместо свадьбы и венчанья.

Я весной домой попал
На короткую побывку.
Понемногу раскопал
Правды горестной обрывки.

Что к чему и что почём –
От меня скрывали стойко.
Мамка мялась, а потом
Резанула прямиком:
– Замуж выскочила Зойка!

Но сказал отец тотчас
Справедливей, хоть и строже:
– Вышла, молвится у нас,
А не выскочила всё же.

Мне:
– Наотмашь не руби!
Тут не лес, похлеще дебри.
Знай: у девичьей любви
Неустойчивые нервы.

Этой вести между тем
Доверять мне не хотелось.
“Что-то как-то не совсем” –
В голове моей вертелось.

Кто повенчанный злодей,
Что украл мою невесту?
Кто разбойник неизвестный? –
Я гадал и ночь, и день.

Как всегда красна весна!
Только лето мне нужнее.
Сдаст экзамены она,
Прилетит –
И правда с нею.

Нет, не верю, что предать
Просто так могла Джульетта.
Но нельзя Ромео ждать
До каникульного лета.

Возвращаясь в часть к себе,
Сутки, а глядишь – и двое
Я решил побыть в Москве
И найти молчунью Зою.

АРГУМЕНТ

Вот “общага”.
Здесь живут
Вместе Светка, Зойка, Галка.
Светка тут, и Галка тут.
Зойки нет, она в читалке.

Я вошёл в читальный зал.
Заведённый не на шутку,
Прокричал, а не сказал:
– Зойка, выйди на минутку!

Что тут было!
Шум и гам,
Суматоха, тарарам!
Но спокоен бравый воин.
Лишь увидев носик Зоин,
Растерялся я и сам.

Словно старое кино,
Замелькало всё бывшее.
И опять пришло “ОНО”!
И, как прежде, как давно,
Нас на свете было двое.

Мы в “общаге”.
Зойкин взор
Холоднее серой стали.
А какой нелепый вздор
Губы Зойки исторгали!

– Как ты мог забыть зарок!
У меня мутится разум! –
И упорно, раз за разом,
Повторяет:
– Как ты мог!

– Незаслуженный упрёк!
Я не знаю, что случилось.
Растолкуй мне, сделай милость,
Чем нарушил я зарок.

Не слова – девятый вал!
Через край! Хватила лишку!
– Что ж на свадьбу, рыбащишка,
Приглашенье не прислал?

– Обязательно пришло,
Как надумаю жениться.
Мне б согласия добиться
Той, которую люблю.
Я пока что холостой.
Эти ребусы отбросим!
Ты придёшь в мой дом не гостем,
А законною женой.

– С “той”? А с этой разве нет? –
Резво, резко Зойка встала
И из тумбочки достала
Аргумент.

Очень веский аргумент –
Фотографии большие.
И они меня в момент
Чуть рассудка не лишили.

Я гляжу на фотки те.
А на них я сам, нарядный.
Что за чёрт! Со мною рядом
Неизвестная в фате.

Зойкин вид меня потряс:
Над её волшебным носом
Боль с укором и вопросом
В половодье синих глаз.

И досадно мне чуть-чуть,
Что её заставил кто-то
Верить в клееное фото
И плести такую муть!

Ну, делишки! Ну, дела!
Сфабрикованные фото –
Это Яшкина работа.
И сама понять могла.

– Он придумал эту чушь
И по полной мне ответит.
И не жить ему на свете,
Хоть он твой любимый муж.
Он во мне найдёт судью.
Говоришь, он тоже служит?
Ну, тем лучше! Или хуже?
Всё равно! Найду – убью.

Что-то ёкало в груди,
И стонало, и страдало.
Зойка в голос зарыдала
И промолвила:
– Уйди!

Что ж, я еду на вокзал.
Мысль меня всё время гложет:
Всё узнал. Но, может, всё же
Что-то так и не узнал?

Впрочем, пусть решит она.
Лезть в чужую жизнь не буду.
Да, в чужую!
Ведь покуда
Зойка – Яшкина жена.

Сплю-не сплю на верхней полке,
Бают бабки-балаболки:
– Ты не Гамлет: быть – не быть.
Вечно Зойку не любить!

Но до самого рассвета
Не сдавался голос деда,
Шелестел, как летний дождь:
– Потеряешь – не найдёшь!

Помню горькое “Уйди!”
Помню, как рыдала Зоя...

Только жизнь иного кроя
Ожидала впереди.

ИНОЙ КРОЙ

Жизнь совсем иного кроя –
Вот она, пришла она!
Я не знаю, что виною:

То ли воинство чужое,
То ли Ельцин с перепоею,
То ли что-нибудь другое, –
Но пришла она,
Война.

У меня такое кредо –
Никого я не виню.
Если надо, то поеду
Добывать стране победу
В эту самую Чечню.

Отслужил я, сколько надо,
И вернулся, отслужив.
Вот они, мои награды,
Ну, а главная – что жив.

Много крови,
Страху много.
До сих пор душа болит.
Только память-недотрога
Обо всём забыть велит.

Вспоминать,
Скажу вам честно,
Не люблю я про войну.
Но поведать всё ж уместно
Здесь оказию одну.

Так случилось, что в засаду
Сводный вляпался отряд.
Нас – в “вертушку”:
Срочно надо
Выручать своих ребят.

– У меня не та натура.
В смысле – раненых не бью.
Нет нужды в дырявой шкуре
Ни в аду и ни в раю.

Ты пока, милоч, лечись!
Вот когда здоровым станешь
И станцуешь первый танец, –
Вот тогда тебя, поганец,
Я найду. Тогда держись!

СЕДЬМОЕ НЕБО

Итак, мой путь лежал домой.
Москвы не миновать.
Не миновать и встречи с той,
Кого бедою звать.

Узнает, нет ли – вот вопрос.
Я стал слегка седой
И для солидности оброс
Нехилой бородой.

Но борода и седина –
Безделица, пустяк.
Покрыла душу патина,
Как бронзовый пятак.

Бесследно не пройдёт она,
Чеченская война.
Всем тяжело на той войне –
Солдату и стране.

Как на седьмое небо, взмыл
Я на седьмой этаж,
Всё к той же комнате, где жил
Всё тот же “экипаж”.

У Зои прежнее лицо,
Без всяких перемен.
Исчезло с пальчика кольцо –
Я углядел в момент.

Подружек Зоиных и след
Немедленно простыл.
И никого на свете нет –
Кто мил и кто постыл.

Вдруг кто там вздумал у меня
Под ложечкой скрести?
И чей-то голос стал, звеня,
Просить меня:
– Прости!

И кто-то шепчет:
– Боже мой!
Да ты уже седой!
Как щётка, у тебя жестка
Небритая щека.

И принялась меня она
За бороду трясти.
И лишь одна мольба слышна:
– Прости!

– Ах, Зойка, Зойка! Что же мы
Бедуем, ты да я?
Я не ищу иной жены.
Возьми меня в мужа!

– Возьму, вот только доучусь.
Осталось-то чуть-чуть.
И нас не разделить войной
И не разлить водой.

Вновь обещанья.
Вновь зарок...
Но неуёмный рок
Непредусмотренный урок
Нам с Зойкой приберёт.

ЗОИ НЕТ

– Понаслышке да по книжке
Что узнаешь про войну?
Нет, не серенькою мышкой,
А спецом в неё войду.

Так и слышу голос Зои,
Слышу веские слова:
– Врач – занятие такое,
Чтобы век не знать покоя,
Если надо, то и два.

Говорят: хирургов много.
А по-моему, враньё!
Настоящий врач – от Бога.

Отбирает небо строго,
Вот и выбрало её.

Да уж, Зойку не удержишь,
Что решила – быть тому.
– Нужен стержень, прочный стержень
На работе и в дому.

– Не в дому, а в доме, Зоя!
– Я кончала не филфак.
Дома нет у нас с тобою,
В шалаше сойдёт и так.

Про филфак – в мой адрес, точно.
Я ж заочник с неких пор.
Да к тому же после срочной
На перо сменил топор.

– В чём ты счастье отыскал бы,
Слово ёмкое скажи.
– Ну, кто режет – в руки скальпель...
– А кто пишет – падежи?

Балагурит, не журится,
Детской святости полна.
Я-то знаю, чем грозитя
Эта странная война.

Говорю ей:
– Я всё чаще.
Буду думать о тебе.
Будет Зоя – будет счастье
И в палатке медсанчасти,
И в хоробах, и в избе.

– Наша доля – это долька,
Не разлука, ерунда!
... Нам казалось – не надолго.
Оказалось – навсегда.

Время месяцы листало.
Где оно, моё “ОНО”?
Писем было очень мало,
А потом совсем не стало.
А потом пришло одно...

Словно хлѣсткими бичами
Я нещадно измочален.
Словно меркнет белый свет.
Сердце сжалось, в мозг стучало
Без конца и без начала:
Зои нет!

Божья воля?
Своеволье?
Не даёт письмо ответ.
А в висках всё с той же болью:
Зои нет!

Зои нет –
И сиротливо,
До скончанья дней моих,
Прежде светлый и счастливый,
Будет горько плакать стих.

ПЛАЧ

Всё,
Приговор судья прочёл,
И надо голову на плаху...
И день прошёл,
И год прошёл,
И жизнь прошла –
О том и плачу.

И без надрыва, и без слёз,
Одной душевной болью плачу.
Я вёз свой воз.
А что привёз?
Зачем хлестал судьбу, как клячу?

Ценил посул, терпел обман
И ждал, и ждал, сомненья пряча.
Промашки складывал в карман
И становился всё богаче.

Приняв тропинку за большак,
Я шёл вслепую, наудачу.
Как миску постного борща,
Теперь у жизни смысла клянчу.

Своей несбывшейся мечте
Плачу немислимую плату:
За ту тропу,
За годы те
Плачу собою,
Кровью плачу.

Мастер спорта, –
Ну, всего-всего до чёрта!
Одного –
 искусства –
 нет.

Может, это порожденье
Дум моих и настроенья,
Но пока, пока, пока
Безоглядная тоска.

Вдруг,
Как выстрел одиночный,
Пробудившийся вулкан
Или солнце тёмной ночью,
Грозовой нежданный шквал, –

И не охнуть, и не ойкнуть,
Онемев на целый миг – ...
Из угла со скромной стойки
На меня взглянула Зойка,
Ненаглядный Зойкин лик.

Миг, как вечность, скоротечен.
– Зойка! – пулей в потолок.
Кроме этой пылкой речи,
Что ещё сказать я мог!

Набежал народ в тревоге:
– Что случилось?
– Что за крик?
Мне заплёл язык и ноги
Зойкин гипсовый двойник.

Подари свою походку,
В душу бьющий синий свет!
Вновь небритым подбородком
Я почищу твой жакет.

Зойка!
Я твою кончину
Пережил едва-едва.
Еле выплыл.
Думал сгину.
А выходит, ты жива!

И велит судьбе-злодейке
Или фее-чародейке
То заветное “ОНО”
Заглянуть в моё окно.

КАК ЭТО БЫЛО

– Ты? – я крайне удивлён.
В галерее этой славной
За директорским столом
Восседал, бесспорно, он,
Яшка-Джек, мой недруг давний.

Он вальяжен, рыхл и пухл,
Оттого похож на клушу.
Молвит вслух его испуг:
– По мою явился душу?

– Нет, не думал, – видит Бог, –
Что тебя тут обнаружу.

А не то я эту душу
С треском вывернуть наружу
Уж давно легко бы мог.
До тебя мне дела нет,
Обойдусь без мордобоя.
Там внизу её портрет.
Что, она опять с тобою?

Он мотает головой:
– Не ревнуй! Минуло время.
У меня седое темя,
Да и ты не молодой.

– Что ты мелешь? Зойка где?
Я же чую,
Я же знаю:
Здесь она, она живая!
Говори, как на суде!

– Не бесись! Её слепил
Не заслуженный маэстро,
А солдатик неизвестный,
Мальчик, что её любил.
Это давние дела.
Расскажу, коль помолчишь ты.
Знай, она того мальчишку
По кусочкам собрала.

Яшке я не враг сейчас.
Что-то с ним роднило нас,
Что-то сеяло тревогу.
Он собрался понемногу
И такой повёл рассказ.

– Был молоденький солдат
В медсанбате санитаром.
Ну, и кто тут виноват,
Что влюбился в Зою парень?
То рисует лист к листу,
То изводит гипс на лепку.
В общем, видно за версту,
Что “запал” парнишка крепко.
Хоть она была строга,
Но заметила, конечно,
Как страдает он, сердечный,
И мальчонку берегла.
Берегла, но на войне
От войны укрыться сложно.
Сам подумай: разве можно
От огня укрыть в огне?
Скольким жизнь она спасла!
Счёту нету.
Счёту нету...

Яшка встал из-за стола
Походил по кабинету.
– В ситуации простой
Наш пацан задел растяжку.
И не просто ранен тяжко,
А почти что никакой.
Ночь трудяга не спала.
Я не знаю, что за сила
Это чудо сотворила,
Но она его спасла.
Не забудь, он полевой,
Этот госпиталь в палатках.
И работать в нём не сладко,

И опасно: рядом бой.
Утром вышла – нету сил,
Пробежаться бы подальше.
Тут её и дожидался
Гнусный снайперский посыл.

Задержавшись у окна,
Яшка вымолвил чуть слышно:
– Здесь она, со мной она.
Всё ж она моя жена,
Хоть семьи у нас не вышло.

Что он видел там, в окне?
Да и видел ли – не ясно.
Но от слов его во мне
Чувство гневное погасло.

СТО ЛЕТ БЕЗ ТЕБЯ (Эпилог)

Не год,
 не месяц,
 не сутки,
А вечность терзаюсь я.
Судим я – и неподсуден,
И каторжник – и судья.

Сейчас, на исходе жизненном,
Когда ничего впереди,
Усвоил, что ложно, что истинно,
И молча зову:
– Приди!

Хотя бы кометою скупенькой
Сверни на орбиту мою!
Луной по небесному куполу
Я благовест отобью.

Приди подаянием нищему,
Иль каменным гостем приди!
Всё выведай,
 выслушай,
 высчитай –
Потом непредвзято суди!

Я эту подачку выстрадал
И сердцем, и головой.
Приди отложенным выстрелом
Дуэли моей роковой!

Ведь это костёр инквизиции –
Ты там, а я здесь сто лет.
Я жду не дождусь визита,
Откуда прихода нет.

Судьбою Всевышним данною,
Твой разум покой обрёл.
А я за двоих
 к страданию
Пожизненно приговорён.

ИЗЛУЧИНА

Не годы старят, а горе.
Народная мудрость.

А сердце нежданно заёкает,
Хватаю перо сгоряча –
И черпаю детство далёкое,
Как воду живого ключа.

Былое – да ну его к лешему! –
Опять мою память в распыл.
И помнить, казалось бы, не к чему,
Да, видно, забыть позабыл.

Что детище разума здорового,
А что от игры и мечты;
Что истина,
Что от лукавого –
Ошибки не сделаешь ты?

Не спутаешь будни и праздники,
Подвижки вперёд и назад.
Однако
 что ложно, что правильно –
Рискнёшь однозначно сказать?

И всё же,
Есть хата заречная –
На ножках на курьих, точь-в-точь, –
И омут, загадка извечная,
Что стонет в осеннюю ночь.

Есть тропка, что к этому омуту
От хаты заречной ведёт.
Тропа остаётся натопанной,
Хоть в хате никто не живёт.

А главное,
 главное,
 главное –
В судьбою назначенный срок
В селе,
 этой былью ославленном,
Объявится сын, Игорёк.

Живёт дорогая кровинушка
В столичном большом терему.

Открыть свою душу повинную
Мамаша решилась ему.

Отбила короткую «молнию»:
Мол, срок подошёл помирать,
Покинь ненадолго престольную,
Уважь свою грешницу-мать.

ВЕЧЁРКА

Как всегда, по вечерам,
С мартовской проталинки
До зимы и шум, и гам
У завалинки.

У парней и у девчат
Голоса срываются.
А гармошка, звонкий лад,
Заливается.

Перепляс не перепляс,
Перетопы резвые,
И частушки в самый раз,
Да с наездами!

А кому какое дело,
Как мне милого встречать.
Я встречаю, не скучаю,
И ему не дам скучать.

А я топну ногой.
Да притопну другой!

Оглянуться не успеешь –
Был твой, будет мой.

Посередь ночи
Догорели две свечи.
Кто мово милого хочет –
Подходи и получи.

Парень –
Чуб на козырёк,
Сапоги скрипучие.
Всё, хоть вдоль, хоть поперёк,
Наилучшее.

А глаза-то у Петра
Синие-присиние –
Родовая черта
Негасимая.

Как зальётся вечерком
Птицей голосистою,
Так девчата за Петром
Вереницею.

А Варвара егоза
Пуще прочих пялится.
Но Петру её глаза
Не нравятся.

Ну, а с кем же паренёк
Ласковый, приветливый?
С той, которая при нём
Так и светится.

Из зареченских она,
Где слободка строится,
И красива, и умна,
Да и скромница.

Тёмных кос тяжёлый жгут,
Доброта манящая...
Маней все её зовут,
Он – Маняшею.

Но поют ему гурьбой
Озорницы здешние.
За душой у любой
Песенки потешные.

Ой ты, Петя-Петушок,
Ненаглядный дrolечка,
Потанцуй хоть разок
Ты со мною полечку.

И моя душа болит,
В пляску тоже хочется.
Да маманя не велит:
Лапоточки стопчутся.

Ну, про лапти – это так,
Для словца частушкина.
Он от Мани ни на шаг,
Как присушенный.

Он при ней, она при нём,
А другим заказано.
На вечёрке – как ремнём
Перевязаны.

Ну, видать, у них всерьёз
Дело к свадьбе клонится.
...А запас горючих слёз
Где-то полнится.

Говорят, потехе час,
Кончилось гуляние.
И нисколько не горчат
Расставания.

Небо щедро звёзды льёт
Ночью скоротечною.
У Маняши жильё
Там, за речкою.

И идут они вдвоём,
Тихие, безмолвные...
Но швырнули им вдогон
Злую молнию:

Захлопнись, дверь!
Затворись, окно!
На твои на босы ноги
Не позарится никто.

Запылала Маня вдруг,
Как в костёр опущена.
Кто же это из подруг
Завидушая?

И ответила она
Скорою частушкою.
А подруга-сатана
Пусть послушает:

Говорят, я босонога.
Ну и босоногая!
Мне завидуют подруги
Из богатых многие.

К звёздам чалится луна,
Словно лодка к колышкам.
Ночь светла, но мутна
Доля-долюшка.

Боль и гордость впереплёт
Вылетели сами.
Пётр подумал: изойдёт
Жгучими слезами.

Или вскинется навзрыд,
Завопит, заголосит,
Или пискнет мышкой
У него под мышкой.

Но не это и не то
Выказала Маня.
И характер, и нутро –
У неё что камень.

И слезинка, и словцо –
Не её отметины.
Только спрятала лицо
На груди на Петинной.

Тяжело вздыхает ночь
От обиды Маниной
И не знает, чем помочь
Иволге подраненой.

До воды, на тихий плёс
Птаху милую
На руках Петро отнёс
В лодку хилую.

И отнёс, и перевёз
В дёрганом тумане.
И ни крика, и ни слёз
Не было у Мани.

Волны в речке легки,
Дружные, беспечные.
Прощались голубки.
... Не навечно ли?

БОСОНОГАЯ

– Намедни видел: ты до Мани
До Босоногой клинья бьёшь.
Забудь! У Мани на аркане,
Как говорят, в кармане вошь.

Об ней и думать не позволю.
Какая, к лешему, жена!
И мне, и нашему подворью
Сноха богатая нужна.

Я приглядел тебе Варвару.
И не крути башкой своей!
Что из того, что не по нраву,
Зато приданое при ней.

Петру отцовское решенье –
Как по затылку булавой.
– Да я скорее в петлю шею
Иль разом в омут головой.

Отец ему отмерил строго:
– Ну, в омут, может, не с руки.
Но, если что, тебе дорога –
К отцу Варвары в батраки.

И потемнело, сжалось небо,
Сильней захлюпала река.
Отяжелевшей веткой верба
Его похлопала слегка.

Мол, никуда не деться, паря;
Давай натягивай гужи.
Ведь без приданого Варвары
Отцу не вылезть из нужды.

А что в груди огонь, как в кузне,
Себе и думать запрети.
И хоть оно – невинный узник,
Держи сердечко взаперти!

Маняша, Маня–Босоножка
Беду почуяла нутром
И собралась глубокой ночью
Поговорить о том с Петром.

Но мать от этого поступка
Дочь напрямиком остерегла:
– Да, у тебя на сердце стужа;
Да, у тебя на сердце мгла...

Но помни: ни с какого бока
За столько лет и я, и ты
Ничем не прогневили Бога
И перед совестью чисты.

Пусть мы бедней, а те богаче.
Богатство – полая вода.
Зато не видел в нашей хате
Никто чужого никогда.

Мы ль не встаём с восходом солнца,
Кому-нибудь не помогли?
Сказать язык не повернётся
Ни у кого и николи.

Мы Христа ради не просили,
Трудом и жили, и живём.
Ты работаща и красива;
Добавь и гордости, и силы, –
Просить не надо ни о чём.

Друг перед другом стали двое.
Но та, что старше, не учла,
Что дочь повадками и волей –
Чай, не чужая! – в мать пошла.

Мать режет круто,
Дочь покруче.
Одно твердит:
– Не уступлю!
Никто с Петром нас не разлучит!
Ни в жисть его не разлюблю.

- Не быть тому!
- Не быть другому!
- Ты, девка, вовсе без стыда!
- Не срамоти! Уйду из дому!
- Куда?
- Бог ведает, куда...

Устала ссориться семейка.
И вот уже минула ночь.
Мать опустилась на скамейку.
В колени ей уткнулась дочь.

– Ох, греховодница, срамница!
Ни послушанья, ни ума!
Да и сердиться не годится.
Уж так и быть, решай сама.

Хвала Творцу, мамыши наши
Детей умеют понимать.
И всё ж почуяла Маняша:
Не всё, не всё сказала мать.

ЗАМУЖ

Варю даже не спросили,
По душе ли ей жених.
Всё отцы своею силой
Порешили вместо них.

Посудили, порядили:
Это вам, а это нам! –

Самогонки пригубили
И тогда уж – по рукам.

Не роптала ли Варвара?
А чего бы ей роптать?
Красотою не сверкала,
И не та у девки стать.

Но покладистого нрава,
И приветна, и добра.
Для чего, подумав здраво,
От добра искать добра?

У колодца наша краля
Говорила бабам так:
– Не сманула, не украла.
Значит, это Божий знак.

Но соседки несогласно
Закачали головой.
Мол, прекрасно-распрекрасно,
Только сердцем он не твой.

– Быть беде, – твердили бабы. –
Нет, не Божий это знак.
На шляху и то ухабы,
А семья – покруче тракт.

– Век бы, клуши, вас не слушать!
Был чужой, а будет мой.
Заживу я за Петрушей,
Как за каменной стеной.

Предвидя открытия новые,
Пророчили смело друзья:
И «оскары» будут, и «нобели»,
Но пусть для начала – своя.

– Без мам ничего б мы не стояли! –
Задумчиво кто-то изрёк. –
Хочу, чтобы выпили стоя мы
За маму твою, Игорёк.

И только бокалы наполнили,
Как в полный веселия дом
Ударила резкая «молния»
Нежданным квартирным звонком.

Нечастыми письмами с мамою,
Бывало, общался сынок.
Но чтобы вот так, телеграммою, –
Он даже представить не мог.

А было написано в «молнии»:
Поскольку пора помирать,
Не будет ли сыну позволено
Проведать болящую мать?

Всё в мире стареет и рушится,
Никто не минует беды..
Наверно, с моею старушкою
С какой-то поры нелады.

Когда-то с родимой деревнею
Она не связала узла.
От горькой обиды, наверное,

В охапку дитя –
И ушла.

Моталась по свету по белому,
Осела в посёлке чужом.
Портнихой считалась умелою –
И этим кормились вдвоём.

А сын потянулся к учению,
Его приютила Москва.
Сказала, что нашему времени
Потребна его голова.

Он что-то придумал важнющее,
Он много чего изобрёл,
И славу научную звучную
И звучное имя обрёл.

Она на его настояния
Приехать к нему на житьё
Твердила одно постоянное:
У каждого русло своё.

Ему, на решения скорому,
Несвойственно время терять.
Не «нобели» ждут и не «оскары»,
А самое важное –
Мать.

БЕЗДОМНЫЙ

Решай, как быть с нелепой долей.
Какою видится она?
Вернуться в отчее гнездовье,
Где ненавистная жена?

Нет, под родительскую кровлю
Петра уж не загнать кнутом.
Скорее стану харкать кровью,
Чем возвращаться в горький дом.

А к Мане?
Разве можно к Мане?
Не дело, к бабе за забор.
Да и она так жить не станет.
Позор не выметешь, как сор.

Характер мягкий у Петруши,
С душой и совестью разлад,
Сомненья,
Мысли невпопад.
И опустил безвольно руки,
Скис, как в народе говорят.

Куда податься бедолаге?
А время клонится к зиме.
Так, может, с Варей всё ж поладить,
С повинной кинуться к семье?

Вот-вот дитё у нас прибудет.
Что про отца расскажет мать?
Мол, где-то шастает, приبلудный,
Не отыскать и не поймать.

Не искушай меня, судьбина,
И не сули беду-нужду.
Уж хуже некуда, чем ныне.
Помру, сгнию, а не пойду!

Ну, что же мне, на шею камень
И в омут буйной головой?..
И вдруг встаёт перед глазами:
Да вот же мельница!

Мешками

Ему ворочать не впервой.

А мельник –
Сразу видно хватку –
Смекнул: тот самый шерсти клок.
И, бросив в тёмный уголок
Соломы жёсткую охапку,
Петруху взял на поводок.

Есть, слава Богу, щи да каша.
И потянулись день за днём...
Но заявила вдруг Маняша
И властно молвила:
– Пойдём!

И привела,
И самолично
С него соскабливала грязь.
Стирала, гладила бельишко.
Вернулось Петино обличье
И синева лучистых глаз.

Мол, живут, беды не зная,
По любви живут они.
Если ты не видел рая,
К ним в Заречье загляни.

А старушкам-говорушкам
Не по нраву их уют.
Шепотком, соседке в ушко:
– Не по-Божески живут.

Раз не венчаны чин-чином,
То не муж и не жена.
Да к тому же Варька сыном
Как жена наделена.

Каково Варваре слышать
То хвалу, а то хулу!
Натащили –
 аж до крыши! –
Ей всю эту шелуху.

Вот и копится обида,
И ярятся боль и злость.
Но горда,
Не кажет вида.
И откуда что взялось!

А на деле –
Сердце в клочья,
Стон глухой и в горле ком.
Всё кипит,
 как этой ночью
Непогода за окном.

Сын посапывает тихо,
Но совсем не спится ей.
Что за демон,
Что за лихо
Ей твердит:
«Скорей, скорей!»?

Мимо тесного закута –
Не встревожить бы отца, –
Потеплей дитя закутав,
В темь шагнула от крыльца.

Безмятежно спит мальчонка,
Спит уставшее село.
Вот и берег,
Вот лодчонка
И надёжное весло.

Недовольно ропщет речка,
Злится ветер, словно бес,
И навстречу бьёт картечью
Дождь со снегом вперемес.

Варя дышит и не дышит.
Не сломалось бы весло.
Надо править чуть повыше,
Чтоб теченьем не снесло.

Ну и выбрала погоду!
Ни звездинки,
Мрак сплошной.
Чтоб не сбиться, держит лодку
К ветру правой стороной.

– Ты прости, моя кровинка! –
Приглушив кричащий рот,
Побежала по тропинке,
Той, что к омуту ведёт.

ИГОРЬ

– Вот блудного сына явление, –
Сказал, и улыбчив, и строг,
Сияя, как солнышко летнее,
Отрада её – Игорёк.

Сработала мамкина «молния»
Надёжно, в положенный срок.
Скорее шепнула, чем молвила:
– Храни тебя Боже, сынок.

И вслух:
– Хорошо, что пожаловал.
Откладывать – времени нет.
Терпела, покуда пошаливал
Недугов немалый комплект.

Но, видимо, шалости кончились.
Накинулись хвори всерьёз
Всей сворой, как лютые гончие,
А раньше – поштучно, вразброс.

Хлопочет с тарелками, ложками
И гостя сажает к столу.
Местечко его, как положено,
В переднем, иконном углу.

Он видит:
Всё та же, проворная,
Но в каждом движеньи – больна.
И всё-таки нить разговорную
Ведёт, не теряет она.

– Сильнее меня мои болести,
В момент одолеют любой.
Уйти, не покаядшись, боязно,
Забрать свою тайну с собой.

Бывало, всё думаю, думаю,
И вновь норовлю пролистать,
Как вещью книгу, судьбу мою
От первой страницы
И вспять.

А всё ли я делала правильно?
И чья тут беда и вина,
Что мать в богомолье отправилась,
Отца не вернула война?

Сынок на слова материнские,
Молитвенной силы слова
Сказал и любовно, и искренне:
– Ты мама – и, значит, права.

– И надо бы нам, моя веточка,
Надёжный листок-лепесток,
В родную деревню наведаться,
Где всей нашей жизни исток.

Мы родом с тобою нездешние.
Нас жизнь потрепала слегка,
Текла то спокойно, то бешено,
Как в нашей деревне река.

Ну как там речная излучина,
И как наша хатка теперь?
А может, и совесть измучила,
Нет силушки дольше терпеть...

И жизнь её горькая долгая, –
Вся, сколько отмерено лет, –
Предстала суровой дорогою,
Холмистою и пологою,
С обрывами и отрогами, –
Ну, кажется, не одолеть.

Всё выложить хочется дочиста,
И вот он, ответ на вопрос:
Кто мы, почему в одиночестве,
Без отчего глаза ты рос?

Сынок ни о чём не расспрашивал,
Готовый постичь, осознать
Нестрашные были и страшные,
Которые выплачет мать.

Забыл про пакеты с подарками,
Забыл про еду и питьё,
Покрыв поцелуями жаркими
Корявые руки её.

И хлюпает, шепчет, как маленький:
– Мамуля, роднуля, не плачь! –
А слёзы сыновьи и мамины –
Рекой,
 хочешь вброд, хочешь вплавь.

– Ну, вроде бы всё я поведала.
Как просится, так и суди.
Былое –
 отрады ли, беды ли –
Сошли, словно камень с груди.

Теперь, как лошадка усталая,
Стою, отдохнув, на меже.
И память свою опростала я,
И дышится легче душе.

И знай, Игорёк:
Убежала я,
Чтоб спрятать тебя навсегда
От слухов и сплетен безжалостных,
От бабьего злого суда.

...Уж утро ленивое матово
Покрасило створки окна.
– Не знал, что бывает две матери.
Наверное, всё же одна.

ПОДКИДЫШ

Ночь грохотала, полыхала,
И плач ребёнка из темна

И понял Пётр –
Понять нетрудно, –
Что за напасть,
Что за беда.
К тому же вскорости вернула
Варвару чёрная вода.

Маняшу словно подменили:
Враз постарела на сто лет,
Уже она не маков цвет,
Уже не ягода-малина,
В глазах бывшего света нет.

– Прости! – Петру сказала Маня,
И непреклонна, и тверда. –
Навеки стала между нами –
Не переплыть! –
Её вода.

Я ухожу.

Со мною Игорь.
Так я мальчонку назвала.
Любовь – не игры.
Жизнь – не игры. –
С тем и исчезла Маня мигом,
Как растворилась,
Из села.

НЕМОЙ

Всех больше и обидней,
Тяжелее всех Петру.

Он – с отцом, как пёс побитый,
Одному невмоготу.

Так уж вышло, так случилось.
Что любовь сберечь не смог.
Но почто, скажи на милость,
Ты сынка не уберёг?

Сам себя мужик пытается,
А ответа нет как нет.
Видно, духу не хватает
На ответственный ответ.

Всё на свете в одночасье
Потерял.

Какой там рай!
Вместо Мани, вместо счастья
Только горе через край.

Убедить хотел Маняшу,
Чтоб оставила сынка.
Но во рту как будто каша,
Каша вместо языка.

«Мой сынок! Оставь мне сына», –
Норовил сказать мужик.
Крик
в глазах небесной сини,
Но безмолвствовал язык.

Не прошли напасти даром.
Пётр свалился, словно куль.
Что в быту зовут ударом, –
По-учёному, insult.

Только лапушки-бабули
Знают всё про всех про нас.
Гнут своё, как прежде гнули,
Им наука не указ.

Это грех на шее виснет –
Навсегда, не навсегда.
И учти, что это в жизни
Не последняя беда.

За Варвару Божья кара,
Никакая не болеть!
Нашим бабкам лишь бы каркать
И без спроса в душу лезть...

Хорошо Петра лечили:
Руки, ноги – в полной силе.
Только весь он как-то сник.
На Варвариной могиле
Замолчал его язык.

Он вернулся к той же доле,
К жерновам, таскать мешки.
За работой меньше боли,
Меньше тягостной тоски.

А от Мани ни словечка –
Как сынок и как она?
Хата хилая за речкой
И пуста, и холодна.

ДУМА

Кабы ведать, кабы знать,
Что да как получится!
Даст ли солнышко знак
Добрым лучиком?

Может, ходит стороной,
По соседней улице
И не встретится со мной
Доля-спутница.

А на этой стороне
У недоли станция.
Хоть назначена не мне,
Мне достанется.

Так – не так,
Туда – сюда, –
Рассуждаем часто мы
И в счастливые года,
И в несчастные.

И теряемся порой,
Нахлебавшись досыта,
В ситуации простой,
Как в трёх сосенках.

И приходится терпеть,
И страдать приходится...
Угодила в круговерть
Наша троица.

«Знать бы,
Где, когда и с кем
Приключилось данное.
Может, строишь на песке
Это здание».

Задаёт такой вопрос
Пресса-своевольница.
«Где?»
Ответ предельно прост:
– За околицей.

Что касается «когда?»,
Разъясню вкратце:
– В прошлом веке...
– Иногда...
– В скором времени...

Ну, а «с кем?» – в любом краю
Сыщутся похожие.
Даже в ангельском раю,
Волей Божьею.

Те, кого я здесь назвал,
Абсолютно местные,
Хоть не тратится казна
Им на пенсию.

Так ли, нет ли изложил –
Самому неведомо.
Я в основу положил
Сказку дедову.

Только чей это дед –
Ваш или деда вашего, –
Вам могли бы дать ответ
Пётр с Маняшею.

Собираемся как раз
В сторону заречную.
Просим,
Если вам сейчас
Делать нечего.

БЕРЕГ

И вот –
Деревенька родимая.
Привет тебе,
Низкий поклон!
Любой, кого первым увидим мы,
Устроит всеобщий трезвон.

И вот он,
С бадьёю и воротом,
Колодец воды ледяной.
Тут встретишься
С другом
И ворогом,
Никак не пройдёшь стороною.

И десять минуток не минуло,
Как здесь собралось полсела.
Все лица знакомые, милые,
И Маня со всеми мила.

Всё вроде продумала задолго,
Чтоб встреча, как надо прошла,
Чтоб речь покаянная падала
Укладчиво в душу села.

И мысль,
Не такая уж тайная,
Её теребила всегда:
Я сына в своё оправдание
Селу предъявлю для суда.

Мол, ежели в чём и виновная,
Судите, казните –
Грешна.
Для вас я – Петра полюбовница,
Зато перед Богом – жена.

А что от Петра отступилась я –
Варваре вернула должок.
Я этим,
Как Божеской милостью,
Гасила сердечный ожог.

Бывали минуты отчаянья.
Свидетель тому – седина.
Страдала, пытала:
А чья она,
За все эти беды вина?

Да чья же!
Не стоит и спрашивать.
Нести этот крест мне самой.
Вся жизнь этим чувством окрашена,
Оно и вернуло домой.

Но встреча не этой обочиной
Пошла,
 потекла,
 побрела.
Ведь русские люди отходчивы,
Живут от добра до добра.

Совсем не дремучий,
Не лапотный
В селе обитает народ.
Колдобину темы злопамятной
Тактично народ обойдёт.

– А кто же с тобою пожаловал?
Секрет принародно открой!
– Да нету секрета.
Пожалуйста:
Сынок.
И Варварин, и мой.

Помру я –
Пусть рядышком с Варею
Могилка приткнётся моя.
Пусть нас –
Молодую и старую –
Простит и сравниет земля.

Селу познакомиться хочется.
Он тоже представиться рад:
– Я Игорь. Петрович по отчеству.
Москвич.
Инженер.
Не женат.

Село наше – самое лучшее, –
Всегда говорила мне мать.
Давно мне хотелось излучину,
И мамину хату падучую,
Всё наше село повидать.

– Зачем твои долгие речи нам?
Мозгой шевелим, как-нибудь.
Давай, мужики, на Заречную!
Избе надо душу вернуть.

Народ потянулся дорогою
На берег, туда, где паром...
Мария вдруг
Встала и вздрогнула,
Как будто услышав пароль.

Какой-то неведомой силою
Означен был этот пароль.
Увидела Маня красивую,
И синюю,
 синюю,
 синюю
Немую, кричащую боль.

ХОЛОДНАЯ МОЛНИЯ

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры...

А. С. Пушкин

Из вздохов, заключённых
под соломенными кровлями,
рождаются бури,
низвергающие дворцы.

М. С. Лунин

У власти вечные напасти:
Как урезонить бунтаря?
На покаянье нет согласия –
Распятые и Христовы страсти
Сулит тебе судьба твоя.

ПРОЛОГ

Дровишки стреляют в камине, –
Прожорлива нынче зима, –
Сходить бы в запасец за ними,
Да слишком озлобилась тьма.

Средь ночи разыграли метели,
Сугробы до крыш норовят.
И думы туда полетели,
Где стражем седой каземат.

Кого сторожат в Акатуе?
Бойцов легендарной поры,
Орлиную стаю лихую.
Хоть стай и не любят орлы.

И есть там особенный узник,
Чья жизнь будоражит меня,
Как я по фамилии, – Лунин,
Но мне он совсем не родня.

Уже ни чинов, ни регалий,
Фортуна груба и слепа...
В камине дровишки стреляют.
Но это какая стрельба!

1.

Его друзей схватили сразу.
Стояли злые холода.
Он был последним взят под стражу.
Знал, что возьмут,
Не знал когда.

Судьбою с юности обласкан,
Смел и расчётлив на войне,
Он был со временем и властью
Накоротке и наравне.

А помнишь, как тогда в Париже?..
И вновь выстраивает он, –
То отдалённо, то всё ближе, –
Быстро...
Гризетки...
Сен-Симон...

Два года мерили дорогу
Сюда от отчего порога.
И, наконец, увидеть рад
Столицу Франции солдат.

Париж, откройся людям ратным:
Ты на Москву похож иль нет?
И вы живёте не богато,
А нам до вас ещё сто лет.

И мыслят юные дворяне
(Что ни гусар, то знатный род):
– Когда не мы, то кто же станет
Твоим заступником, народ?

Жизнь ни во что не ставят, черти!
Но есть незыблемый девиз::
Сперва хоть что-то для бессмертья –
Потом, коль хочешь, застрелись.

Высок, и ловок, и проказлив,
Философ, ярый дуэлянт,
Он поступает без боязни,
Как честь и долг ему велят.

И незнакомцу, и соседу
Он мог сказать без лишних слов:
– Прошу покорнейше к обеду,
А нет – стреляться, шесть шагов.

Дуэли – игры, а не драмы.
На кон швыряя жизнь свою,
Он, как награды, носит шрамы.
Но ни единого в бою.

Когда опасность где-то близко,
Он весь – азарт, и потому
Готов идти навстречу риску,
Безгрозые гибельно ему.

Казалось, пушки солнце крошат,
Темно, как ночью, белым днём.
Под ним опять убило лошадь,
Но ни царапины на нём.

Неукротимый, смелый воин,
Всегда одну лелеял страсть:
Всё подчинить железной воле
И упиваться битвой всласть.

– Тоска без рукопашной свалки.
А не сходить ли нам к гадалке?
Мишеля поддержать готов
Приятель ротмистр Чернышёв.

– На вас, – решайте, верить, нет ли, –
И орден вижу я, и петлю, –
Такой прогноз гусару дан
Гадалкой славной, Ленорман.

Ещё та пифия гудела
Про верность выбранному делу.
Умолкнет – и начнёт опять
Про верность что-то бормотать.

Что ж, орден – славная награда,
Которой рад всегда солдат.
Про верность и гадать не надо.
А петля – явно невпопад.

Нет, я вынашивал годами
Свою заветную мечту.
Что ж, подведу тебя, гадалка.
И петле пулю предпочту.

Где мне свободою упиться?
Где в небе взвиться вольной птицей?
Поизносился Старый свет,
Подамся в Новый – вот ответ.

Ведь юг Америки в пожаре.
А на войне – как на войне.
Пойду в солдаты к Боливару,
Покой домашний не по мне.

2.

Они в одних полках сражались:
И лет грядущих каторжане,
И те, что позже их пошлют
Во глубину сибирских руд.

Война... Европа... Жажда странствий...
Цивилизации глоток.
Пора свободу дать крестьянству,
Начальной грамоты чуток.

Не получилось к Боливару.
Да и зачем туда спешить?
У нас своих задач навалом,
Вот их и надобно решить.

Там, на квартире Муравьёвых,
Где состоялся первый сбор,
И были созданы основы
Того, что зрело до сих пор.

А Михаила, как ни странно,
На сборе не было тогда.
Очередной дуэли рана
Ему позволить не могла.

И всё же тайный «муравейник»
Его участием был овеян,
И, хоть лечилось естество,
Была в порядке мысль его.

Он позже скажет:
– Чем не драмы
В ту пору разыграли мы!
Опора власти не жандармы,
А несогласные умы.

А власть... Она всегда страшится
Крамольных слов и дерзких дел.
Царь не преминет отрешиться
От тех, кто нового хотел.

И не терпелось – всё бы сразу
И капитально, навсегда.
Беда иль не беда, когда
Порыв опережает разум?

Его незыблемый кумир –
Неограниченная воля.
Готов, коль чем-то недоволен,
Немедля переделать мир.

Однажды с Пестелем поспорит:
– Всё революция ускорит.
Нам Дело надо начинать,
А не прожекты сочинять.

Она бы заговор венчала
И развенчала царский строй.
А Пестель истинной горой:
– Нет, конституция сначала.

С годами Лунин гибче стал.
Хоть спорить всё же доводилось,

Он понял:
Что вчера годилось, –
Сегодня гиль,
Сегодня старь.

И он сказал себе:
– Не прав ты!
На постелевой «Русской Правде»
Сошёлся клином белый свет,
И ей альтернативы нет.

3.

...И вот, как у барьера, двое.
Тот грозной властью облечён;
А этот вежлив и спокоен:
Ему раскаиваться? В чём?

Ещё вчера – однополчане,
Когда-то вместе начинали.
Но столько лет промчалось вскачь –
Сегодня узник и палач.

Всё было просто и непросто.
Житейской мудростью сродни,
Похожи выправкой и ростом.
Умом и доблестью они.

Один с охранкою повязан,
Другой под стражу ею взят.
Ждёт Чернышёва титул князя,
Мишеля – мрачный каземат.

– Известно, что во время оно
Вы мнили – страшно говорить! –
Своим «Отрядом обречённым»
Грех душегубства сотворить.

И в оговоренные сроки
Ждать Государя на дороге.
– Разбоем я не промышлял.
– Не промышлял, а замышлял.

О целях Общества спросили.
Он ход простой найти сумел:
– Дать то же самое России,
Что царь для Польши, например.

Мол, мы придумали не сами,
Всё с текста царского списали.
А, как законы говорят,
Царь не бывает виноват.

– Чего хотело ваше братство?
Каков ваш выбор?
– Он таков:
Хотели родины без рабства,
Хотели мысли без оков.

И показалось Чернышёву:
Ещё нажать, ещё чуть-чуть –
Глядь, и признательное слово
Найдёт прямой к бумаге путь.

А Лунин смотрит иронично
И молвит дельно и логично,

Как говорил и до того.
А имена? Ни одного.

Он не калека, не калика.
И осознал иезуит:
Не сбить гусара с панталыку,
Как в битве с недругом, стоит.

Да, всё и просто, и непросто,
И ясно с первого допроса:
Сослал в Сибирь – и нет людей,
Но нет Сибири для идей.

**Из протоколов допроса
лейб-гвардии Гродненского гусарского полка
подполковника Лунина**

Вопрос: Когда, где и кем вы были приняты в число членов Тайного общества?

Ответ: Я никем не был принят в число членов Тайного общества, но сам присоединился к оному, пользуясь общим ко мне доверием членов, тогда в малом числе состоящих.

Вопрос: Когда, где и кем начально основано было сие Общество и под каким названием?

Ответ: Тайное общество, известное впоследствии под названием Союза благоденствия, основано в Москве в 1816 году. Основателей же оно я не могу назвать, ибо это против моей совести и правил.

Вопрос: Кто были председателем, блюстителем и членами Коренной думы?

Ответ: Я постановил себе неизменным правилом

никого не называть по имени.

Вопрос: Кого и когда вы приняли в члены Общества?

Ответ: Во время пребывания моего в Тайном обществе ни одного члена ни в какое время к оному не присоединил...

Вопрос: С кем из членов Общества были в сношениях?..

Ответ: Объяснение моих личных сношений с кем именно – представить не могу, дабы не называть по имени. Друзей в Польше у меня много.

4.

Ах, Польша!
Многоцветной вязью
Она в его вписалась жизнь.
Нежданно здесь с великим князем
Его пути пересеклись.

Гадай – наместник или пленник,
В Варшаве правил иль гостил
Престола русского наследник,
Брат Александра – Константин.

Что ж, если надобно державе,
Гусар готов служить в Варшаве.
И он уже три года там,
Великокняжий адъютант.

Он католичеством прельстился
И православию не враг.

Всегда молился и постился –
И значит, с верою в ладах.

Служить – так с полною отдачей,
Предельно честно, не иначе.
Он добросовестно служил,
И Константин им дорожил.

Великий князь в своей манере
Честил однажды офицеров
Совсем не княжьим языком
И объявил перед полком,

Что, если кто-то недоволен,
Тот вовсе, стало быть, не воин,
А коль снести обид не смог, –
Вот пистолеты и клинок.

Дуэль с самим великим князем?
Кто примет вызов? Лунин разве.
И он от имени полка
Сказал, бравируя слегка:

– И по отдельности, и вместе
Мы почитаем дело чести.
А что я вышел раньше них,
Так просто я резвей других.

Великий князь за дерзость эту
Гусара не привлёк к ответу.
Наоборот, учтя сие,
Приблизил Лунина к себе.

Судьбы не выдумаешь горше.
Вояка бравый, дуэлянт,
И вольнодум, и заговорщик,
Какой ты к чёрту адъютант.

Всё было вроде как обычно,
Но отходил от тайных дел.
Не потому, что охладел, –
Не позволял себе двуличья.

Что Лунин – враг державной власти,
К бунту декабрьскому причастный,
Что он вершитель тайных дел, –
Наместник верить не хотел.

Оберегал его упорно,
Считая обвиненья вздором.
И очень долго – добрый жест? –
Не соглашался на арест.

И даже скрыться за границу
Помочь Мишелю был бы рад.
Но с этой мыслью согласиться
Никак не мог кавалергард.

Да, своенравен и отважен,
Он был последним взят под стражу.
Сибирь, конечно, холодна,
А всё же русская она.

**Из писем и записей
государственного преступника
Лунина Михаила Сергеева сына**

* Я не участвовал в мятежах, свойственных толпе, ни в разговорах, приличных рабам. Моё единственное оружие – мысль, то согласная, то в разладе с правительственным ходом. Оппозиция свойственна всякому политическому устройству. Народ мыслит, несмотря на глубокое молчание... .

* В России два проводника: язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга.

* Моё прозвище изменилось во время тюремного заключения и в ссылке и при каждой перемене становилось длиннее. Теперь меня прозывают в официальных бумагах: государственный преступник, находящийся на поселении. В Англии сказали бы: «Лунин – член оппозиции»

* Гласность, какую пользуют мои письма через многочисленные списки, обращает их в политическое орудие.

* Мои предыдущие тюрьмы были будуарами по сравнению с тем казематом, который я занимаю. Меня стерегут, не спуская с меня глаз. Часовые у дверей, у окон – везде. Моими сотоварищами по заточению является полсотня душегубов, убийц, разбойничьих атаманов и фальшивомонетчиков. Однако мы великолепно сошлись. Эти добрые люди полюбили меня.

5.

Тридцатый год...
Потоком шалым,
Европа, ты опять бурлишь:
Восстала гордая Варшава,
И не безмолвствует Париж.

Побитой Польши боль и стоны
Своеобразно встретил он:
С ней поступили по закону.
Но справедлив ли тот закон?

Отбывши каторжные сроки,
Для поселения он обрёл
Буквально здесь, неподалёку
И дом, и сад в одном из сёл.

Приличный дом. Чем не основа
Спокойной жизни и семьи?
Коль не детей – житья обнову,
Что на земле оставим мы?

А у него всё те же ноты:
В отцы семейства не гожусь.
Я не приемлю этих уз,
Мой дух свободен для работы.

Носить ярмо я не готов.
Женитьба – головные боли.
Как средства сдерживанья воли
Мне хватит царских кандалов.

Что нет детей, порой обидно,
И женской лаской не согрет.
А может, к лучшему, что нет.
Зачем же им страдать безвинно?

Но вдруг, неожиданно, как во сне,
Как новой повести начало,
В вечерней стылой тишине
Контральто чьё-то зазвучало.

Чей дивный голос говорит?
Кто это чудо подарила?
Она, Волконская Мария,
Что делит с мужем горький быт.

И сердце строгое Мишеля
Вдруг защемило, запекло.
Былые грёзы зазвенели
В нём, как разбитое стекло.

А память тает-не растает.
Сквозь долгих лет густой туман
Себя, как Гамлет, он пытается:
Был или не был тот роман?

Она, земная, не святая,
Что в плен взяла красой своей,
Была Потоцкая Наталья,
Из рода польских королей.

Он взглядом ей сумел признаться,
Она ему – душою всей.
Ей как-никак уже семнадцать,
Ему же только тридцать семь.

Дитя, наивное созданье?
Нет, величава и горда.
Таких красавиц в мирозданье
На миллион всего одна.

Ах, это роковое имя!
И Пушкин будет, как и он,
На жизнь и смерть неотвратимо
Идти с Натальей обречён.

Жизнь – своевольница большая.
Того не ведая, сама,
Судьба за всех за нас решает:
Кому Дантес, кому тюрьма.

Оттуда, из сибирской дали,
Просил не раз сестру свою
Узнать хоть что-то про Наталью,
Про всю Потоцкую семью.

Сестра не знала, как ответить.
Он ждал и ждал, заданье дав.
Что нет её давно на свете,
Он так и умер, не узнав.

С Волконскими сошёлся близко.
Сынишку, шустрого мальчика,
Он с позволения отца
Учил изрядно по-английски.

Полны тепла и доброты,
И Михаил Сергеич Лунин,
И Михаил Сергеич юный,
Как тёзки, дружески на «ты».

С Марией по лесу прогулки,
Визиты изредка семье...
Влюбился? Нет.
Но сердце гулко
Напоминало о себе.

Наверно, время виновато
И одинокое житьё...
Но и у Пушкина когда-то
Стучало сердце для неё.

6.

Нет-нет, он всё-таки везучий.
Хотя бы тот забавный случай,
Когда его свирепый шквал
Едва не к Гамлету позвал.

И далеко она иль близко,
Но вспомнил он гадалку ту,
Увидев скромный кораблишко
И имя «Верность» на борту.

Он плыл во Францию.
Штормило.
Застряв на датских островах,
Он за неделю – очень мило! –
Балтийской рыбою пропах.

Что делал он во время шторма?
Не клял свою судьбу покорно.
«Быть иль не быть?» – не для него.

Быть!
Мыслить! –
Только и всего.

Весь остров быстрыми шагами
Измерил вдоль и поперёк.
И ящик с красками извлёк
Запечатлеть старинный замок.

А здешний пастырь, мудр и стар,
Перечить русскому не стал,
Хоть он пришёл немножко рано
И попросился сесть к органу.

Священнодействует русак!
Орган и буйствует, и молит.
Как будто буря не на море,
А в мыслях, сердце и руках.

Политик, воин и художник,
И музыкант, и полиглот.
Он что захочет, то и сможет,
И что по нраву, то возьмёт.

Конечно, верность неотлучно
Напоминает, мучит, учит.
И в штормовую ночь, и днём,
Как талисман, всегда при нём.

Гусар изменится едва ли,
И не теряйте время зря.
За этот нрав его прозвали
Холодной молнией друзья.

7.

И лет стремительные были,
И многовёрстные пути
Вставали в «Письма из Сибири»
И в очень острые статьи.

В них столько выстраданных истин –
Жизнь каторжанина горька!
Скорей листовки, а не письма
Рождает грозная тайга.

Его сибирские былины
Бунтарский множили накал.
Через сестру Екатерину
Их дух в столицу проникал.

В который раз сказал намедни
Кузен Никита Муравьёв:
– Я помогать тебе готов,
Но стоит ли дразнить медведя?

– Да, тот «медведь» меня убьёт.
А мне дразнить его – отрада.
Когда не мы – кто скажет правду?
Не мы – кто всколыхнёт народ?

Того, кто возмущался рьяно,
Смутьяном называли встарь.
Вот в образованных смутьянах
Меня и числит государь.

Свободу мысли, воли, действий
Вы почитаете злодейством? –
На плахе я задать хочу
Вопрос царю, не палачу.

А не злодейство – миллионы
Бесправных, загнанных крестьян?
Кормильцы наши стоном стонут.
Сей тяжкий крест не вами дан?

– Знай: меж тобою и сестрою
«Посредники» пчелиным роем.
– На том и строится расчёт:
Прочтёт цензура – донесёт.

Глядишь, поймёт самодержавье,
Что нас вовеки не спасут
Ни нищета и барский кнут,
Ни беспросветье и бесправье,

Меня возьмут, меня убьют,
Но мне одно всего дороже:
Что так Россия жить не может –
Прочтут,
Подумают,
Поймут.

Тут дело самое простое:
Пусть твёрдо знают на престоле,
Что никакой свирепый гнёт
Народной воли не убьёт.

Сказал кузен:
– Пустяк невзгоды,

Когда страдаешь для народа.
Одно в сознании горчит:
Ну, почему же он молчит?

Конечно, мы хотим народу
И просвещения, и свободы.
Но худо, если самому
Ему всё это ни к чему.

– Нет, дело обстоит иначе.
Я твёрдо знаю наперёд:
Народ молчит – и это значит,
Что думу думает народ.

– Мы сочиняем, грамотеи, –
Статьи как будто для крестьян.
Читать деревня не умеет.
Вот в чём существенный изъян:

Лихие «Письма из Сибири»
Размножили, распространили.
Ты, «образованный смутьян»,
Их и читаешь за крестьян.

– Мы за народ читаем сами
Свои колючие статьи,
Но – ты, любезный брат, учти! –
Его глазами и мозгами.

– А может, ты, гвардеец бравый, –
Сознайся! – просто ищешь славы?
Гордыни каверзный прибой
Незримо властвует тобой?

– Нет, мы себя найти сумели
Не хуже, чем любой другой.
Мы прозвенели в нашем Деле.
Что колокольцы под дугой.

Считаешь, что судьба такая
И Бенкендорф меня «раскает»?
Нет, я не свыкся, не притих.
И нам ли прятаться от них?

8.

И вот от Бенкендорфа спешно
Летит суровая депеша:
Чтоб не повадно было впредь, –
Год переписку не иметь.

– Нельзя писать? – спросил спокойно.
Читать рескрипта он не стал,
Перевернул тот лист казённый,
«Не буду!» – чётко начертал.

Нет, он не сломлен, он не пешка.
За ним жандармам бдеть и бдеть!
Где покаянье, где насмешка –
Поди попробуй разглядеть.

Сказал жандарм:
– Здесь не столица.
Есть подозрительные лица.
Сие опасное звено
К общению вам запрещено.

– Тот, с кем общаться неуместно,
От прочих чем-то отличим?..
А, знаю: это наш почтмейстер!
Так я и не общаюсь с ним.

Язвы, дерзи, неугомонный!
Но под покровом темноты
Тем, бенкендорфовским, «омоном»
Вновь арестован будешь ты.

Царю немедля доложили.
Как шквал морской, взъярился тот:
– Расстрел? Немыслимая милость!
Нет, в Акатуй! Пусть там сгниёт!

Рудник свинцовый, дол и горы...
Жандармский бешеный отряд...
Да что там каторжные норы!
Тут настоящий Дантов ад.

Свобода пусть тебе не снится.
Здесь каждый знает наперёд:
У рудника, как у гробницы,
Есть только вход.
Есть только вход.

Под плач сочувственного ветра
И слёзы рудного свинца
Здесь напророченная петля
Настигла всё же храбреца.

И сам не каявшийся грешник,
И не раскаянный царём,

Как он погиб в застенках здешних,
Никто не ведаёт о том.

Столетье прочь, уйдёт второе.
Молва сибирская твердит
Над светлой памятью героя,
Что он не умер, а убит.

В холодных недрах Акагуя,
Суров, незыблем, как гранит,
Он верность прежнюю, былую
Всё так же каменно хранит.

Он ждёт: Россия всколыхнётся,
Народ от гнева задохнётся
И, как морской девятый вал,
Гнёт опрокинет наповал.

Орлов взрастят иные гнёзда.
Русь – и седа, и молода.
Народ молчит, но разогнётся...
И всё ж когда?
Когда??
Когда???

ЭПИЛОГ

Стреляют дровишки в камине,
Охотно резвится огонь.
На улице холодно ныне,
Без варежки небо не тронь!

Да я и не трогаю вовсе.
Безоблачный полдень пригож.
Ушла безотрадная осень
И дождь, не похожий на дождь.

Зиме не пристало слезиться.
Под снегом листва и трава.
На юге озябшие птицы,
Ушедшие в срок со двора.

Декабрьское небо – сквозное,
Прозрачно до самого дна.
И словно цветущей весною
Покрыла сады белизна.

Уставшие за лето вишни
Тревожны, как мы, и грустны
В камине стреляют дровишки.
Как долго ещё до весны!

СОДЕРЖАНИЕ

Выси	3
Прости, село!	27
Я помню всё	34
Зойка, Зойка	55
Излучина	103
Холодная молния	141

Литературно-художественное издание

Лунин Анатолий Алексеевич

Поле. Небо. Русь

Поэмы

Печатается в авторской редакции

Печать цифровая

Тираж 200 экз.

Отпечатано на оборудовании проекта «Балтославия»,

Программа «СОСЕДСТВО»

Некоммерческая поддержка ЕС,

постпроектная деятельность.